

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

В РЕДАКЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ТОЛСТОГО

В 1928 г., в целях ознаменования 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, Государственное издательство РСФСР, на основании решений высших правительственных органов, предприняло юбилейное академическое издание полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. В качестве главного редактора этого издания был утвержден, согласно завещательным распоряжениям Л. Н. Толстого, его ближайший друг и душеприкащик В. Г. Чертков. Правительственный контроль по изданию был поручен особой Государственной редакционной комиссии, первоначально в составе: А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова. Впоследствии в число членов Госредкомиссии были введены И. К. Луппол и М. А. Савельев. Главному редактору была предоставлена полностью организация всей редакционной стороны предприятия. Им были привлечены к разработке и редактированию текстов Л. Н. Толстого выдающиеся научные силы СССР, специалисты по текстологии, эдипционной технике и толстоведению: М. А. Цявловский, Н. К. Пиксанов, В. И. Срезневский, П. Н. Сакулин, А. Е. Грузинский, Н. К. Гудзий, Л. Я. Гуревич, В. С. Спиридонов, Б. М. Эйхенбаум, А. И. Никифоров, Н. М. Менделеев, В. Ф. Саводник, В. О. Нилендер, А. С. Петровский, Л. П. Гроссман, С. Д. Балухатый, К. С. Шохор-Троцкий, М. В. Муратов, Н. Н. Гусев и др. Для разрешения общих по изданию научно-принципиальных вопросов, разработки его плана и характера а также в целях редакционного контроля сдаваемых редакторами томов Чертковым был организован Редакторский комитет в составе: В. Г. Черткова (председатель), П. Н. Сакулина, Н. К. Пиксанова, Н. Н. Гусева, А. Е. Грузинского, М. А. Цявловского, А. Л. Толстой и К. С. Шохор-Троцкого. Этот первоначальный состав Редакторского комитета был впоследствии пополнен В. И. Срезневским, Н. К. Гудзием и Н. С. Родионовым. Вопросы финансового и хозяйственного порядка были предоставлены веде-

нию особого комитета из пяти лиц. Вся текущая административно-техническая работа сосредоточилась в главной редакции, в постоянно действующем при главном редакторе аппарате, состоящем из небольшой группы штатных сотрудников.

Договор на академическое 95-томное издание Л. Н. Толстого был заключен Государственным издательством с В. Г. Чертковым 2 апреля 1928 г.; текст договора был также санкционирован Совнаркомом СССР.

Перед редакцией стояла задача исключительной сложности и ответственности — дать критически выверенный, свободный от цензурных и иных искажений текст произведений Толстого, его дневников и писем, исчерпывающе прокомментированный с биографической, библиографической и творческой стороны, включая в круг изучения тексты Толстого в их максимальной полноте.

Прежние издания Толстого не отличались ни полнотой, ни авторитетностью текста. Помимо прямых цензурных, издательских и редакторских искажений, толстовский текст пестрел ошибками переписчиков и типографии, часто совершенно затемнявшими смысл написанного Толстым. К тому же значительная часть литературного и эпистолярного материала не печаталась вовсе: так оставались неопубликованными почти полностью дневники и записные книжки (печатались лишь небольшие отрывки из них), большая часть писем Толстого, значительное количество неоконченных или неотрецензированных его произведений, не говоря уже о массе первоначальных их редакций и черновых, оставшихся совершенно неизвестными не только широким читательским кругам, но и узкому кругу специалистов.

Главнейшим практическим затруднением, о котором столкнулась редакция на первых же шагах своей работы, явилась чрезвычайно распыленность толстовских рукописных фондов. Помимо двух основных центров — Рукописного отделения Публичной Библиотеки им. Ленина и архива Го-

сударственного Толстовского Музея, рукописи Толстого находились в различных архивохранилищах Москвы и Ленинграда, в провинциальных музейных центрах и наконец в руках частных держателей. Из этой последней категории самая значительная коллекция рукописей принадлежала В. Г. Черткову и долгое время хранилась им в Англии, в специально устроенном для того огнеупорном помещении. В 1928 г. эта коллекция, состоящая из ста с лишком тысяч листов, была привезена в СССР и передана В. Г. Чертковым в дар Государственному Толстовскому Музею. Дальнейшей концентрации толстовских рукописей провести не удалось. Наркомпрос обратился ко всем ему подведомственным музеям и архивохранилищам циркулярно с предложением всемерно содействовать работам редакции академического издания Толстого, предоставляя свободный доступ ее редакторам и сотрудникам к рукописям Толстого и перебрасывая эти последние из одного хранилища в другое по первому требованию редакции для временного их использования. Эта мера имела известное значение, однако более моральное, чем практическое, так как перебралса рукописей неизменно была сопряжена с такими техническими затруднениями, которые чрезвычайно тормозили и тормозят до настоящего времени работу редакции, в значительной мере замедляя ее темпы.

Учет и регистрация всех имеющихся в наличии рукописных, корректурных и печатных толстовских фондов и включение их в круг редакторских работ были первым шагом деятельности редакции. Эта работа была выполнена наличными силами ее сотрудников при содействии музейной администрации. Разумеется, что в дальнейшем процессе работы то там, то сям, в СССР и за границей, обнаруживаются залежи толстовских документов, которые приходится при помощи тех или иных путей привлекать к разработке. Большую помощь в этом деле за последнее время оказывает редакции недавно организованный в Москве Государственный Литературный Музей, приобретший за короткий срок в СССР и за границей от частных держателей значительное количество толстовских документов и предоставляющий редакции все возможности их широкого использования.

Учет и регистрация толстовских фондов дали возможность редакции в первые же месяцы ее существования составить подробный проспект издания, напечатанный Госиздатом в 1928 г., к сожалению только на русском языке. В проспекте был дан перечень всех произведений Толстого как законченных и напечатанных, так не опубликованных и не законченных и распределение всего этого материала по томам, по трем основным сериям: 1-я серия — произведения (художественные и теоретические), 2-я серия — дневники и записные книжки и 3-я серия — письма. Внутри каж-

дой серии строго выдерживается принцип хронологической подачи материала.

Одновременно с этими подготовительными работами Редакторским комитетом было поручено проф. М. А. Цявловскому составление инструкции по приготовлению к печати томов академического издания Толстого, каждый пункт которой был проведен через обсуждение и утверждение Редакторского комитета в его полном составе. Эта инструкция, в процессе редакторских работ пополнявшаяся и уточнявшаяся, в настоящее время составляет свыше двух печатных листов и по своей научной ценности несомненно является значительным вкладом в текстологию классиков.

В рамках, установленных инструкцией, развернулась работа редакторов одновременно по всем трем сериям. Тома первой серии включают канонические тексты одного или группы произведений определенного хронологического отрезка, печатные и рукописные варианты к ним и редакторские статьи: описание рукописей, историю писания и печатания и указатели. К произведениям теоретического характера дается также реальный комментарий, отсутствующий по отношению к художественным произведениям и заменяемый здесь аннотированным указателем. Основным моментом в редакторской обработке произведений является установление канонического, т. е. наиболее авторитетного и авторизованного, текста. Выбор такого текста определяется тщательным изучением всех рукописей, относящихся к кругу работ над данным произведением, определение их основных этапов или редакций и установление их генезиса, т. е. усвоение творческого процесса по его конкретным выявлению. Эта большая и кропотливая работа усложняется тем обстоятельством, что Толстой обычно долго и тщательно работал над своими произведениями, по многу раз их переделывая, то дополняя, то сокращая в целях получения наибольшего художественного эффекта. Все его произведения имеют многочисленные редакции, количество которых у некоторых произведений доходит до 30-ти и выше.

Изучение рукописей позволяет сделать выбор наиболее авторитетных из имеющихся печатных текстов того или иного произведения и положить его в основу текста академического издания. Этот основной текст тщательно очищается от всех наслоений не авторского происхождения, цензурных и иных искажений, описок переписчиков, типографских ошибок; в него вводятся исправления по рукописям. В отдельных случаях печатные тексты всех прежних изданий оказываются в целом недостаточно авторитетными; тогда редактору приходится возвращаться к корректурам и рукописям и давать или контеминированный текст или полностью восстанавливать его по моментам допечатного периода. Так канонический текст романа «Воскресенье» в академическом издании дает-

ся по корректурным гранкам и листам, к счастью целиком сохранившимся; текст пьесы «Живой труп» — по рукописям.

Рукописные варианты к произведениям не воспроизводятся полностью вследствие их колоссального для всего издания объема. В целях необходимой экономии места редакторы вынуждены делать отбор вариантов; тем не менее можно с уверенностью сказать, что все наиболее интересные в художественном отношении, крупные по объему и различные по содержанию от общеизвестных печатных текстов рукописные варианты будут представлены в академическом издании.

Томы второй серии, включающие дневники и записные книжки, составляют 13 томов издания. Воспроизведение этого почти полностью неопубликованного материала представляет исключительные трудности. Почерк Толстого, вообще неразборчивый, в дневниковых его записях, делающихся поспешно, для себя, с трудом поддается прочтению. Особенные трудности представляют интимные записные книжки — маленькие тетрадки, удобные для ношения в кармане, записи в которые делались большей частью карандашом в течение дня — на прогулке, верхом, в постели. Тексты записных книжек, с их лаконичным стилем, с инициалами вместо фамилий и имен, подходят на ребусы, и от редактора требуется большое знание стиля и почерка Толстого, его биографии, ближайшего окружения за данный период, ежедневных постоянных посетителей, наконец много внимания и терпения, чтобы расшифровать и прокомментировать записанное Толстым. Тексты дневников и записных книжек как впервые публикуемые даются транскрибированными — с соблюдением орфографии и всех особенностей оригинала, с факсимильным воспроизведением рисунков и чертежей, сделанных рукой Толстого, прерывающих текст и наглядно поясняющих какую-нибудь его мысль. Эти тринадцать томов дневниковых записей, которые вел Толстой изо дня в день, с несколькими лишь небольшими перерывами, в течение 60-ти с лишним лет, данные в хронологической последовательности и исчерпывающе прокомментированные, вскрывают внутренний интимный мир Толстого и вводят читателей в сокровенную лабораторию его интеллектуальной и творческой жизни.

Третья серия заключает письма Толстого и составляет 31 том: 24 тома писем его к разным лицам, 2 тома писем к жене, С. А. Толстой, и 5 томов писем к ближайшему и долголетнему другу В. Г. Черткову. Письма даются в строго хронологическом порядке; выделение из общей хронологической цепи писем к С. А. Толстой и В. Г. Черткову в особые группы было вызвано тем соображением, что обе группы эти, чрезвычайно крупные по объему (писем к жене 840, к В. Г. Черткову—928), загромадили бы всю остальную переписку и, растворенные в общем потоке писем,

Л. Н. ТОЛСТОЙ С БРАТОМ В 1847 г.

Из иллюстраций к 46 тому академического издания Толстого

потеряли бы свой специфический интерес для читателя.

Эпистолярная продукция Толстого огромна. Письма его, к самым разнообразным лицам всевозможных классов и профессий, на различных европейских языках, превышают цифру 10 тысяч. Содержание их чрезвычайно разнообразно: семейные, литературные, хозяйственные, учительские, мировоззренческие, ответы на всевозможные запросы и просьбы, иногда самые неожиданные и невыполнимые, советы на всевозможные случаи жизни, часто самые интимные, — все эти письма, характеризующие Толстого с биографической и бытовой стороны, рисуют его фигуру и в общественно-социальном разрезе.

Для комментирования писем Толстого привлекаются письма его адресатов, представляющие в своей совокупности такую необозримую массу, которая не поддается учету (в одной Ленинской Библиотеке зарегистрировано около 30 000 писем к Толстому). Орывки из встречных писем, в виде цитат, даются в комментарии, причем, в том размере, какой необходим для понимания текстов писем Толстого. Простое использование встречных писем не может однако удовлетворить в полной мере редактора-исследователя; ему нужны хотя бы самые краткие биографические сведения об адресатах Толстого, подробности, сопровождавшие их обращение к нему, историю их знакомства; его интересует местонахождение подлинного письма Толстого, если таковое не имеется в доступных

сму архивохранилищах. Получение всех этих сведений является делом не легким. В первую половину жизни Толстого его адресаты составляли более или менее постоянный круг его родных и знакомых, лиц известных или доступных для изучения. Но в последний, «учительский» период его жизни круг его адресатов чрезвычайно расширяется, охватывая чуть не весь мир; на место прежних добрых знакомых появляется множество случайных, в большинстве лично ему совершенно неизвестных лиц, представителей самых разнообразных общественных слоев, профессий и настроений. Прокомментировать весь этот пестрый kaleidoscope и является задачей редактора. С этой целью приходится обращаться к местным государственным учреждениям (большое содействие оказывают краевые музеи), разыскивать знакомых, родных, земляков; в отдельных случаях удается разыскать и самого адресата. Тем или иным путем, но необходимые сведения получаются, и неуловимые и непрокомментированные остаются очень незначительное количество лиц.

Сами адресаты как в пределах СССР, так и за границей обычно охотно идут навстречу запросам редактора. Так например, Ромэн Роллан по просьбе редакции выслал фотоснимок с текста известного письма к нему Толстого и дал исчерпывающие ответы на все обращенные к нему по этому поводу вопросы в своем письме в редакцию от 23 сентября 1929 г. В другом письме от 13 февраля 1930 г. Р. Роллан благодарит редакцию за присылку трех тогда вышедших из печати томов академического издания Толстого в следующих выражениях: „Je vous remercie beaucoup de l'envoi des trois beaux volumes de votre grande édition des oeuvres de Tolstoy. J'en ai été très heureux“.

Известный французский публицист и переводчик Шарль Саломон в своем письме в редакцию от 4 апреля 1932 г., отвечая на запрос редакции, с мельчайшими подробностями вспоминает свое посещение Толстого в Ясной Поляне в 1910 г.; и этот рассказ позволил уточнить и прокомментировать неясные намеки писем и дневниковых записей Толстого.

Так, в самых сжатых чертах, идет редакторская работа по трем основным сериям издания. В результате семилетней напряженной работы к 1 июня 1935 г. редакция слала через Госсредкомиссию в ГИХЛ 67 томов,—в общей сложности свыше двух тысяч печатных листов: 32 тома серии произведений (1000 печ. листов), 26 томов писем (700 печ. листов) и 9 томов дневников (350 печ. листов). Темпы печатания томов академического издания Толстого далеко отстают от темпов редакторской работы. К 1 июня 1935 г. ГИХЛ выпустил в свет только 24 тома; в производстве находятся 4 тома и остальные 39 томов—издательском портфеле ГИХЛа.

Из напечатанных томов восемнадцать от-

носятся к первой серии, два ко второй (дневники) и четыре тома к третьей (письма).

1-й и 2-й тома (по общей нумерации издания) заключают в себе первые публикуемые юношеские произведения, роман «Детство, отрочество и юность» и первую редакцию этого романа, под особым заголовком: «Четыре эпохи развития», никогда не публиковавшуюся и представляющую собой тот зародыш, из которого развился вышеназванный роман Толстого. Этот том приготовлен к печати А. Е. Грузинским и М. А. Цявловским. 3-й том, отредактированный Н. М. Менделеевым и в некоторой части С. Л. Толстым, включает ранние произведения Толстого («Набег», «Рубка леса», «Разжалованный», «Записки маркера» и др.) и два неопубликованных его отрывка художественного жанра: «Поездка в Мамак-йорт» и «Дяденька Жданов». Приводимые к печатным текстам трех вышеназванных произведений варианты дают представление о тех исключительно суровых цензурных условиях, при которых они впервые увидели свет. Рассказу «Разжалованный» был дан цензурой даже другой заголовок: «Встреча в отряде с московским знакомым». 4-й том составляют произведения Севастопольского периода под редакцией В. И. Срезневского; кроме трех общеизвестных, так называемых «Севастопольских рассказов» сюда входят написанные Толстым в осажденном Севастополе и впервые публикуемые по автографам: солдатские разговоры, «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. А. полка», донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками и др. В тот же том входит «Утро помещика» (ред. М. А. Цявловский). Кроме обычного печатного текста этого произведения дается впервые полностью первая его редакция с первоначальным названием «Роман русского помещика». Том 5-й составляют произведения конца 50-х годов — «Люцерн», «Альберт», «Семейное счастье» и др. (ред. Н. М. Менделеев и В. Ф. Саводник). Из неопубликованных материалов в этот том входят небольшие произведения и отрывки художественного характера: «Отъезд в поле», «Записки мужа», «Начало фантастического рассказа», «Отрывки без заглавия» и публицистического: «Записки о дворянстве», проекты освобождения яснополянских крестьян, путевые записки по Швейцарии. 6-й том составляют «Казаки» с вариантами (ред. А. Е. Грузинский). В 7-й том входят произведения 60-х годов: «Поликушка», «Тихон и Маланья», «Идиллия», «Зараженное семейство» и др. Этот том характеризуется значительным количеством неопубликованного материала, из которого следует особо отметить четыре драматических отрывка: «Практический человек», «Дворянское семейство», «Дядюшкино благословение» и «Свободная любовь». Тома 9, 10, 11, 12 заключают в себе роман

«Война и мир». В этих вышедших в свет четырех томах дается только текст романа и печатные разночтения. В основу академического издания положен текст пятого издания собрания сочинений Толстого 1886 г., слитенный со всеми предыдущими изданиями и освобожденный от опечаток и случайных искажений. Следующий, 13-й, том, уже значительно подготовленный к печати, будет заключать рукописные варианты к роману, лишь незначительная часть которых за последние годы была опубликована в периодической печати; в состав 14-го тома войдут редакторские статьи: обширное описание рукописей, относящихся к кругу авторских работ над романом, статьи по истории его писания и печатания, указатели. Редактирование романа «Война и мир», сначала подготовлявшегося к печати А. Е. Грузинским, вследствие смерти последнего было поручено Редакторским комитетом М. А. Цявловскому.

Томы 18, 19 и 20 заключают роман «Анна Каренина». Два первых, в состав которых входит основной текст романа, вышли из печати. Третий находится в редакторской обработке.

32-й том заключает в себе текст романа «Воскресенье» (ред. Н. К. Гудзий), воспроизводимый, как сказано выше, по корректурам. «Воскресенье» печаталось одновременно в течение 1899 г. в России, в журнале «Нива», и в Англии, в издательстве В. Г. Черткова «Свободное Слово». Оба эти первопечатные тексты, в различной лишь степени, появились в свет в искаженном цензурой виде. Произошло это в результате следующих обстоятельств. Обычно редакция «Нивы» отправляла Толстому первый набор гранок романа с зачеркнутыми или исправленными синим карандашом местами текста, которые редакция представлялись цензурно недопустимыми. Толстой исправлял корректуру, в большинстве случаев не считаясь с этими зачеркиваниями и исправлениями, и посылал Черткову в Англию дублетные экземпляры корректур, обычно с неприкосновенным авторским текстом. Но в отдельных случаях редакцией «Нивы» Толстому присылался вторичный набор корректур, в котором были уже совершенно устранены цензурно неприемлемые места; в этих случаях и В. Г. Чертков получал в своем дубликатном экземпляре искаженный цензурой текст, однако без всяких видимых следов цензурного вмешательства. Таким образом бесцензурного текста «Воскресенья» читатель до сих пор не имел, и такой текст мог быть установлен лишь путем непосредственного обращения к корректурным гранкам. Необходимость печатания романа по корректурным гранкам диктуется еще и тем обстоятельством, что оба его первопечатные тексты—и «Нивы» и «Свободного Слова»—содержат в себе отступления от авторского текста, сделанные редакторами без активного участия Толстого и сводящиеся главным образом к стилистическим и грам-

матическим исправлениям текста. Все эти исправления, весьма значительные по количеству (исправлений одного редактора «Нивы» Р. О. Сементковского больше тысячи) в настоящем издании исключаются. Корректурные гранки «Воскресенья» сохранились, если и не в исчерпывающем своем составе, то все же в таком большом количестве, что дают вполне надежную основу для реконструирования окончательного, критически проверенного текста. В следующем, 33-м, томе будут даны в большом количестве черновые редакции и варианты романа (150), обширная история создания его и печатания и описания рукописей.

43 и 44 тома заключают «На каждый день» (ред. Н. Н. Гусев), второй из трех составленных Толстым сборников, представляющих попытку составления книги для ежедневного чтения на основе его мировоззрения. В этот сборник входят наряду с избранными Толстым мыслями из разных авторов и мысли самого Толстого, частью написанные им специально для этого произведения, частью взятые из других его сочинений и значительно переработанные для этой книги. Сборник «На каждый день» публикуется полностью впервые в академическом издании, так как только часть его основного текста в виде отдельных книжек (по месяцам) печаталась еще при жизни Толстого со значительными цензурными пропусками.

О недавно вышедших в свет томах—27-м («Крейцера соната» и др.) и 72-м (письма 1899—1900 гг.)—ниже даются подробные сведения их редакторами.

Из томов, только что законченных производством, особенный интерес представляют два больших тома дневника—46-й том, заключающий в себе первый хронологический дневник (1847—1853 гг.), и 58-й том, в который входит последний дневник и интимные записные книжки за 1910 г. В этом томе на основе толстовских записей, для комментирования которых привлечены многочисленные, частью неопубликованные источники, с исключительной и исчерпывающей полнотой раскрывается душевная и семейная драма Толстого.

Из общего числа томов, находящихся в производстве и в издательском портфеле ГИХЛа, следует особо отметить: том 17-й, в состав которого входит целый ряд отрывков широко и интересно задуманных и незаконченных романов—«Декабристы», роман времен Петра I и «Труждающиеся и обремененные»—многочисленными вариантами, имеющими высокую художественную ценность, в большинстве своем неопубликованными (ред. М. А. Цявловский и П. С. Попов); том 25-й, заключающий так называемые народные рассказы, в редакторской обработке В. И. Срезневского; приводимые здесь черновые варианты, обильные документы по истории писания, установление ближайших источников—все эти материалы рисуют интересную картину попыток Тол-

Л. Н. ТОЛСТОЙ ЗА РАБОТОЙ «НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ», 28 АВГУСТА 1908 г.

Из иллюстраций к 43 тому академического издания Толстого

стого к созданию своеобразного художественного жанра; том 26-й, подготовленный к печати целым рядом специалистов (Н. К. Гудзий, Л. П. Гроссман, Б. М. Эйхенбаум, А. И. Никифоров, П. В. Булычев) и заключающий в себе такие произведения, как «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», неопубликованные этюды художественного характера — «Аггей», «Миташа», «Жил в селе человек» и обширную теоретическую часть с философским трактатом «О жизни»; том 36-й, в состав которого входят так называемые посмертные произведения — «Алеша Горшок», «Фальшивый купон», «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», «Отец Василий» и др. (ред. Н. К. Гудзий). Особое место в творчестве Толстого занимает обширный труд «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий», составляющий 22 и 23 тома (ред. В. О. Нилендер). Здесь Толстой впервые выступает в качестве ученого исследователя-филолога, специально для того изучив греческий язык и упорно работая над материалом в течение двух лет; этот труд Толстой считал поворотным пунктом в своей творческой жизни. Изучение многочисленных черновых рукописей с обращением к греческим первоисточникам позво-

ляет вскрыть различные погрешности в филологических построениях Толстого, вытекающие главным образом из несовершенного знания языка, и вместе с тем очистить текст от многочисленных ошибок переписчиков и наборщиков, вследствие которых до настоящего времени печатный текст этого произведения подавался в несовершенном и частью искаженным виде.

Работа над остальными томами издания ведется непрерывно с той интенсивностью, которая только возможна для редакторской обработки такого обильного и сложного материала, как печатные и рукописные тексты Толстого. В ближайшее время к сдаче в Гослитиздат редакцией готовятся следующие тома: 34 («Живой труп», «После бала» и др. произведения 1900—1903 гг.), 35 («Хаджи Мурат», с главой «Николай Палкин», статья «О Шекспире и о драме» и др.), 30 (трактат «Об искусстве») и др. тома.

Осуществление в ближайшем будущем в полном объеме академического издания сочинений Толстого будет несомненно иметь исключительное, общеевропейское культурное значение.

М. Чистякова

ТОМ 8-й. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

8-й том, подготовленный к печати В. Ф. Саводником и пишущим эти строки, занят прежде всего текстами из журнала «Ясная Поляна». Уже в издании сочинений 1864 г., которое надо считать первым, под общим заглавием «Педагогические статьи» были перепечатаны некоторые материалы, извлеченные Толстым из его педагогического журнала. Он ограничился однако пятью статьями: «О народном образовании» (январь), «О методах обучения грамоте» (февраль), «Проект общего плана устройства народных училищ» (март), «Воспитание и образование» (июль) и «Прогресс и определение образования» (декабрь). Издание 1873 г. прибавило сюда еще «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (сентябрь) и «Ясно-Полянская школа за ноябрь—декабрь месяцы» (январь, март и апрель).

Этим на долгие годы определился в основном состав тех перепечаток, которые делались из «Ясной Поляны» и обычно включались в 4-й том собрания сочинений, посвящавшийся всегда специально педагогическим работам Толстого.

Через тридцать лет после издания 1873 г., в одиннадцатом издании 1903 г., С. А. Толстая дополнила тексты, взятые из «Ясной Поляны», перепечаткой того обращения «К публике», которым открывалась первая книжка журнала.

Отмеченные опусы не исчерпали всего напечатанного Толстым в «Ясной Поляне». Не могло похвалиться такой полнотой и большинство специальных сборников педагогических произведений Л. Н. Толстого: ни «Педагогические статьи» изд. «Посредник» (1911 г.), ни «Педагогические статьи трех периодов: 60-х, 70-х годов и последнего времени» под редакцией П. И. Бирюкова (1912 г.), ни «Педагогические сочинения» изд. газ. «Школа и Жизнь» (со вступительной статьей проф. С. А. Венгерова и очерком педагогической деятельности Толстого и библиографическими указаниями А. Г. Фомина. М., 1912).

1914 год явился переломным: в издательстве К. И. Тихомирова в Москве вышли в свет «Педагогические сочинения Л. Н. Толстого» под редакцией и с приложением критического очерка П. А. Буланже.

Редактор сборника вновь пересмотрел тексты журнала и извлек оттуда три анонимно напечатанных и прочно забытых педагогических работы Толстого: «О значении описаний школ и народных книг» (январь), «О свободном возникновении и развитии школ в народе» (февраль) и «Об общественной деятельности на поприще народного образования» (август).

В определении состава крупных статей Толстого, которые берутся из «Ясной Поляны», 8-й том идет по дороге, продолженной уже П. А. Буланже. Но он не ограничивается этим, а в законном стремлении собрать воедино все высказывания Толсто-

го, рассеянные им на страницах «Ясной Поляны» и «Книжек Ясной Поляны», дает никогда не включавшуюся ни в собрание сочинений, ни в специальные сборники небольшую статью Толстого — вступительную заметку к истории о «Матвее», открывающую собой январскую «Книжку Ясной Поляны» и носящую программно-теоретический характер по вопросу о народном чтении.

Наряду с этим редакция 8-го тома не могла пройти мимо разнообразных редакционных заметок и примечаний, то и дело встречающихся и в «Ясной Поляне», и в «Книжках». Журнал дал таких номеров 13, книжки — 2. Пять из них напечатаны за подписью Л. Н. Толстого, четыре за подписью Ред[акции], остальные — анонимны. Принадлежность Л. Н. Толстому всех редакционных заметок, даже и не подписанных его именем, весьма вероятно, но разумеется не может быть утверждаема безусловно, тем более, что в редакционных делах и заботах у Толстого были помощники. Это прежде всего не раз упоминавшийся им и в объявлениях о журнале, и в письмах к А. Е. Берсу студент Вас. Мих. Попов. Помогали ему и учителя его школ и деятельнее других повидимому Александр Павлович Сердобольский.

В комментариях 8-го тома специальные страницы отведены для того, чтобы собрать, по возможности все уцелевшие фактические указания на школьно-педагогическую и журнальную деятельность Л. Н. Толстого. На этих страницах нельзя было пройти мимо Попова и Сердобольского. К сожалению, данные о первом обидно скупы. Поиски в архиве И МГУ оказались почти безрезультатны. Там нашлось лишь за интересующее нас время глухое упоминание о Попове Василии (без отчества), стипендиате Тверского Дворянского Депутатского Собрания, студенте физико-математического факультета. Рукописные материалы, связанные с изданием «Ясной Поляны» и хранящиеся в Толстовском кабинете Всесоюзной Публичной Библиотеки им. Ленина, чуть-чуть щедрее по части сведений о Попове. Пользуясь ими, 8-й том дает прежде всего неизвестное до сих пор в печати письмо Л. Н. Толстого к Попову по редакционным делам. Письмо находится в рукописи второй статьи «Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы», напечатанной в мартовской книжке журнала с цензурной пометкой 2 апреля 1862 г. Это приблизительно определяет дату письма. Вот его текст, с полным сохранением орфографии и всех особенностей подлинника (в квадратных скобках недописанные части слов, в ломанных скобках — зачеркнутый текст).

Вас[илий] Ми[хайлович]. Первая статья разборъ предоставлена на съѣзды цензуръ, но наберите ее — можетъ и пройдетъ. Если очень изуродуютъ, не печатайте. 2) Я[сно] П[олянская] школа посылается только ма

лая часть. <«Еще буде» 3) Томашевской. 4) Лукашевич, 5) будетъ Ив[анъ] Ил[ьичъ]. О статьѣ «разборъ» напишите точтась же.

В случаѣ неустойки часть Я[сно]-П[олкян-ской] школы можетъ быть напечатана к к дѣлое.

«Разбор», цензурная судьба которого так беспокоит Толстого, разумеется его статья в мартовской книжке: «Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ». Под «малой частью» своей статьи об Яснополянской школе Толстой разумеетъ страницы рукописи, занятые описаніемъ преподаванія священной исторіи: первоначальная самостоятельная пагинація остальной части рукописи ясно указываетъ на то, что она была дослана впоследствии.

Из работъ авторов-учителей, упомянутых Толстым, в мартовскую книжку попала только статья учителя Колпенской школы А. К. Томашевского, подписанная инициалами А. Т. и озаглавленная: «К—ая школа». Статья городненскаго учителя Влад. Павл. Лукашевича «О необходимости контроля общества надъ школами» за подписью В. Л. напечатана в апрельской книжке. Статья житовскаго учителя Ивана Ильича Авксентьева «Заметки о народномъ чтеніи», подписанная И. А., появилась лишь в майской книжке.

Вне всякаго сомнѣнія, наиболее прістальное вниманіе читателя привлечетъ тотъ отдѣлъ 8-го тома, где помещаются опусы, никогда не бывшіе до сихъ поръ в печати, первоначальные наброски, незаконченныя вещи, варианты къ произведеніямъ законченнымъ, — однимъ словомъ, тотъ матеріалъ, который позволяетъ хоть немного заглянуть в мастерскую, выпустившую педагогическія статьи Толстого.

На первомъ мѣстѣ поставлены здѣсь «Педагогическія замѣтки и матеріалы», датированные Толстымъ 5 марта 1860 г., т. е. написанные еще до отъезда во вторую заграничную поездку, когда онъ былъ занятъ усиленными педагогическими наблюденіями. Судя по некоторымъ признакамъ, это та самая рукопись, про которую Толстой писалъ Т. А. Ергольской изъ Киссингена в августѣ 1860 г.: «Я забылъ у себя бумаги, мною писанные о школахъ, — это листовъ 6 серой бумаги во весь листъ. Ежели бы было возможно найти и прислать мнѣ или по почте или черезъ кого-нибудь отъезжающаго за границу».

Взвѣшенные отношенія частныхъ наблюденій и делаемыхъ изъ нихъ обобщеній какъ фундаментъ для построенія рациональной педагогики — вотъ къ чему сводится основное содержаніе этихъ замѣтокъ. Некоторыя палеографическія данныя говорятъ за то, что рукопись была переслана Толстому за границу и что тамъ — и во всякомъ случаѣ в другое время по сравненію съ основнымъ текстомъ «замѣтокъ» — былъ прибавленъ слѣдующій, наскоро набросанный и совершенно не отделанный планъ журнала:

«Весь кругъ наукъ вместе первоначально. Журналъ будетъ выходить 3 раза в годъ, еже-

ли <богатство> по 2 книги — 10 печатныхъ листовъ. Первый отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ свѣденія о школахъ, замѣтки учителей, мысли о педагогикѣ вообще, оригинальныя и переводныя. 2-й отдѣлъ будетъ заключать Руководства по разнымъ наукамъ «Поэзію» Повѣсти и рассказы. Сказки и песни.»

В непосредственной связи съ только что отмеченными матеріалами и замѣтками стоитъ, во-первыхъ, незаконченный проспектъ журнала подъ заглавіемъ «Сельскій учитель», а во-вторыхъ, незаконченный отрывокъ подъ заглавіемъ «Вступленіе». Онъ не датированъ, но по некоторымъ признакамъ можно безошибочно утверждать, что «Вступленіе» тоже писано за границей.

Оно начинается такъ:

«Мнѣ кажется, что во время моихъ занятій воспитаніемъ дѣтей вообще, и «дѣтей» в особенности русскихъ крестьянскихъ дѣтей, мнѣ пришли в голову некоторые мысли, не вошедшіе еще в убѣжденіе «общества» правительствъ и обществъ о значеніи народнаго образованія в наше время и о новыхъ основаніяхъ, которые должны быть положены для него. Эти-то мысли я постараюсь изложить в этомъ писаніи, в той бессознательной связи, в которой они выросли во мнѣ.»

Очевидно это должно было быть предисловіемъ къ большой работѣ. А изъ другаго мѣста «Вступленія» видно, что кака-то большая работа, с огромнымъ захватомъ, была начата Толстымъ раньше, но оставлена имъ. Вотъ какъ онъ делаетъ это признаніе, ценность котораго в биографическомъ и литературномъ отношеніи трудно преувеличить:

«Я знаю, что в моихъ выводахъ много и много будетъ ошибокъ и невольной лжи, происходящихъ отъ недостатка знаній и ложной точки зренія, и потому, сколько возможно, буду стараться избегатьъ построенія теоріи, в которую бы были включены всевозможныя стороны предмета. Я началъ было такого рода сочиненіе, в которомъ, постанавлявая аксіомы о человечествѣ, движеніи развитія, о душѣ и т. п. я старался захватить все в свой кругъ сужденія. Но опытъ убѣдилъ меня, что какъ не (так!) льстивы для самолюбія такого рода категорическія сочиненія, в которыхъ мысли такъ общи, что охватываютъ все и вместе с темъ для каждаго представляютъ особенную неясную идею, что такіе сочиненія, несмотря на внешнюю логичность, имеютъ менѣе убѣдительности и вліянія, чѣмъ скромныя представленія хотя не всестороннихъ фактовъ, но такихъ, изъ которыхъ самъ читатель делаетъ тотъ выводъ, который «уже» побудилъ автора къ выставленію этихъ фактовъ.»

Вслѣдъ за «Вступленіемъ» 8-й томъ помещаетъ рассказъ Л. Н. Толстого о встрѣчѣ его и бесѣдѣ с Прудономъ. В связи съ некоторыми матеріалами изъ портфеля редакціи «Литературнаго Наслѣдства» этотъ рассказъ использованъ пишущимъ эти строки в отдѣльной замѣткѣ (см. № 7—8 «Литературнаго Наслѣдства»).

Слѣдующее мѣсто занимаетъ отрывокъ безъ

заглавия, по содержанию как будто связанный со статьей «Воспитание и образование» и в то же время говорящий об «ошибке в перед[овой] статье «Ясной Поляны», т. е. в статье первого номера «О народном образовании».

Останавливает здесь внимание такое признание Толстого:

«Образоваться из книг народ не может. Либо он не понимает, либо подделка под него. А подделываться и творить вместе нельзя. Лучшая подделка Я[сна]я П[оляна] ничтожна.»

Совершенно особняком среди вновь публикуемых материалов стоит «Дневник Ясно-Полянской школы».

В этих дневниковых записях с 26 февраля по 17 марта 1862 г. включительно — живые черты из жизни знаменитой школы. Все записи обвеяны прелестью непосредственности, кто бы ни записывал, — учитель ли П. В. Морозов, учитель ли Г. Ф. Келлер, священник ли Пашковский, старшие ли из учеников, наконец сам ли Лев Николаевич.

Морозов видимо немудрящий человек и побаивающийся графа. Он откровенно признается, как ему трудно с русской историей: он ее очень плохо знает, — приходится просто брать учебник Водовозова или Погодина и читать его вместе с учениками. «Каллиграфия в упадке, — записывает он, — замечено графом обратить на это внимание. Да, я боюсь за себя, потому — сам не да-лек».

Г. Ф. Келлер, любимец Толстого, немец, вывезенный им из Германии, большинство записей делает по-немецки, и лишь двести — на ломаном русском языке. Его записи касаются рисования, черчения и разнообразных опытов по естествознанию.

Помимо ряда списков учеников, сделанных рукой Л. Н. Толстого, с аттестацией учеников по пятибалльной системе, вот несколько его заметок, вводящих в самую практику его школьной работы.

26 февраля. Морозов был улан. Надо останавливать играње. Попробовал всех вместе, но меньшие — не только меньшие, но и 2-е отделение, страшно слабы — механизм и только.

Математика самые младшие. Начал с деления — не знают и боятся меня — умножение, вычитанье, сложенье, нумерация — тоже. Механизм в формах сознания. Я был обманут. Поручил Ромашке. Он вел класс необычайно — спокойно, толково и не скучно. Сам выдумывал задачи из жизни и недурно.

П[етр] В[асильевич] Прошу — заставляйте из старшего класса по переменкам учить математику младших. Ежели я не приду, присылайте их — очередных учителей — ко мне за наставлением.

28 февраля. Старший класс. Сочиненья.

Писали сочиненья — все о театре. Васка — о том, что бы он сделал, коли бы попался в плен. — Радуются на тетради — надо поддерживать эту охоту. Пожалуйста, Петр Васильевич. Ром[ашка] о учени. Кир[юшка] ни на шаг не уступал Успенскому — в Андр[оне] безачастном.

1 марта. Математика. Старший класс. I отделение.

Сначала всегда плохо — пока не расходяться — а я хуже всех — сержусь.

6 марта. Математика. Старший класс.

Сашка в толпе ничего не может делать. Я вел дело плохо. Как будто ничего не вышло.

В одном месте, среди этих записей учителя, подкупающих своей искренностью, строго деловых, такая заметка художника: «Часто в м[л]адшем кл[ассе] М. (особенно когда я в[хожу]) позовет меня, посмотрит, улыбнется и больше ничего.»

Работа над 8-м томом, трудно было отделиться от впечатления, что проблемы, поставленные и с толстовской своеобразностью решенные в программно-теоретических статьях яснополянского великого педагога, сохраняют свой жгучий, злободневный интерес и для наших дней, когда революция вывела наконец русскую школу на путь правильного развития. В этом особый интерес 8-го тома, представляющего законченное, самостоятельное целое.

Н. Менделеев

ТОМ 17-й. НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Семнадцатый том юбилейного издания Толстого охватывает четыре неоконченных исторических романа Толстого. Известно, что после написания «Войны и мира» Толстой неоднократно приступал к обработке исторических тем. При этом он шел вглубь русской истории (за исключением «Декабристов», начатых еще в 1863 г.): его интересовал XVIII век и конец XVII и в первую голову время Петра. Уже записанная книжка 1870 г. свидетельствует о живом интересе Толстого к эпохе преобразований, пестря записями исторического содержания. В ка-

честве одного из редакторов семнадцатого тома я в настоящем обзоре коснусь трех неизданных исторических романов Толстого, мною приготовленных к печати. Сюда относятся: роман времен Петра, «Труждающиеся и обремененные» («1757 г.») и «Князь Федор Шетинин». Если первый роман известен и в небольшой части (правда, очень незначительной) опубликован, то два других романа не только никогда не печатались, но их названия вовсе неизвестны в литературе и о приступах к работе над ними нет речи ни в одной из биографий

Толстого. Разумеется следует прежде всего оговориться, что все три романа остались незавершенными, от них мы имеем лишь отрывки, варианты и довольно значительные записи, свидетельствующие о предварительной работе Толстого, связанной с изучением соответствующих исторических материалов.

Изучая отрывки исторического романа Толстого эпохи Петра, мы наталкиваемся на особый жанр в его творчестве. Толстой в конце концов отказался от мысли писания рсмана времени конца XVII—начала XVIII в. в связи с тем, что он, при его повышенных требованиях к художественным произведениям, считал возможным описывать лишь то, что он в состоянии созерцать в конкретных, живых образах. Он говорил: «Никак не могу живо восстановить в своем воображении эту эпоху, встречаю затруднения в знании быта, мелочей обстановки». Не удовлетворяясь ни одним планом из многочисленных предпринятых ему замыслов романа времен Петра, он все время только пробовал, как лучше начать. Все сохранившиеся художественные наброски и представляют собой такого рода «приступы», «начала». Каждая такая проба отменяет другую; таким образом отрывки не являются продолжением друг друга (за двумя исключениями). Всех сохранившихся отрывков в романах времен Петра—35; из них до настоящего времени опубликовано всего три («Новый Мир» 1925 г., № 5; перепечатано библиотекой «Огонек»). Можно отметить шесть исторических циклов, которые объединяют все начала романа времен Петра: 1) Семья Алексея Михайловича и происхождение Петра—два начала; 2) Переход власти от Софьи к Петру (1689 г.)—семь начал; 3) Кожуховский поход (осень 1694 г.)—восемь начал; 4) Азовские походы—семь начал; 5) Разгар Великой северной войны (1708—1709 гг.)—два начала; 6) Конец царствования Петра (1723 г.)—девять начал. Работая над романом с 1870 по 1879 г. (самый значительный перерыв составили годы писания «Анны Карениной» — 1873—1877 гг.), Толстой постепенно переносил свой взор с одних годов на другие—от семнадцатого столетия он постепенно перешел к восемнадцатому. Этот путь этапов писания романа времен Петра претерпевает определенную эволюцию и по содержанию. Если вначале Толстой исключительно интересовался верхами тогдашнего общества—жизнью царей, царской семьи и боярско-дворянской среды, то в дальнейшем он перешел к «шизам» общества,—его стало интересовать, как исторические явления отражались в жизни народа, и он носителем исторических событий хотел сделать тогдашнюю крестьянскую Русь. Соответствующие отрывки (последние два цикла) представляют наибольший интерес. Эти отрывки не были выявлены, и прежние редакторы и толстоведы их не учитывали, считая даже, что в 1873 г. Толстой вовсе

прекратил свои занятия над эпохой конца XVII—начала XVIII в. На самом деле интерес остался, но он сильно модифицировался, так что два последних цикла можно обозначить как замыслы крестьянского романа. Фигура самого Петра отпала; к концу 70-х годов Толстой стал относиться к исторической личности Петра резко отрицательно. Зато интерес к эпохе обратился в сторону раскольников, вольницы и т. п.—тех масс населения, которые начинали искать жизненное пристанище в лесах и степях. В одном из наиболее отделанных отрывков этого цикла «Корней Захаркин» действие происходит в 1723 г. в деревне Сидоровой, Мценского уезда. Дана картина деревенской жизни и психологии угнетенных крестьян. Описывается отец братьев—Захар, потом жизнь крестьянина Корнея после смерти отца. Далее дана картина родов его жены в рабочую пору и разговор Корнея в ночном с мужиками. Разговор сначала касается политических событий того времени (что Петр в Стекольном и что теперь другой царь, подменный), потом переходит на личную и семейную жизнь Корнея. Толками о «подменном царе», Петре как антихристе Толстой продолжает интересоваться в 1879 г., когда занимался материалами Преображенского приказа в Архиве министерства юстиции. Самый отрывок писался в 1877 г. или несколько позднее, судя по относящейся к нему следующей дневниковой записи С. А. Толстой от 26 октября 1877 г.: «Сегодня он [Лев Николаевич] мне говорил,—один сын не сын, два сына—полсына, а три сына—сын. Вот для моего начала эпиграф». Эта мысль о многосемейности есть элемент той идеи «силы завладевающей» русского народа, которую Толстой, по собственным словам, хотел изобразить в своем несостоявшемся крестьянском романе, как изобразил начало семейное в «Анне Карениной» и начало народное в «Войне и мире». В своих черновых выписках (большое их количество входит также в состав XVII тома) Толстой намечал для широких масс населения начала XVIII в. два возможных исхода из условий невыносимого гнета, наложенного государственной властью: 1) уход в степи, объединение в казачество, бунты—активное сопротивление, 2) бегство в леса, раскол, молитвы и тяготение к старине—пассивная реакция. Показательно, что в сохранившихся крестьянских отрывках «Корней Захаркина» Толстой развернул повествование в сторону пассивно-созерцательного изживания русским человеком XVIII в. невзгод жизни; это Толстому было свойственно по натуре и находится в соответствии со словами В. И. Ленина: «большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, совсем в духе Льва Николаевича Толстого».

Очень ярко представлена Толстым картина рождения мальчика в крестьянской семье, фигурирующая с различными подробностями в ряде отрывков. К ним при-

мыкает набросок (вариант № 30), начинающийся словами: «В то время как родился в Вяземской слободе Иван Анисимов, самое Вяземское и все его обыватели перешли к другим помещикам». Описывается дележ имущества после смерти помещика Вяземского, ссора новой владелицы Настасьи Федоровны Горчаковой («Баскачихи») с Вяземским, арест сына Баскачихи в результате этой ссоры и поездка Баскачихи в Петербург на выручку сына. Баскачиха шлет письма родным, едет сначала в Москву, не застает царя и направляется в Петербург. Она пишет донос «со своим любезным попovichем, подъячим», и в результате Вяземский также попадает в тюрьму. В крытом рыдване в шесть лошадей с четырьмя повозками Баскачиха направляется в новую столицу. С ней воспитанница Ольга, прижитая после брака, две девки, на запятках — Алешка и Митька. Орывок кончается картиной приготовления к въезду в Петербург, парадного приближения к городу и описанием, как весь цуг следует по новому «прешпекту».

Была у Толстого сделана попытка выйти за пределы первой четверти XVIII в. Ему предносился грандиозный план, исходя из того же материала, построить рассказ о жизни русского человека, охватывая период в сто лет (начиная с 1723 г. и кончая последним десятилетием перед восстанием декабристов). Сохранился фрагмент этого романа «Сто лет». Наиболее интересно введение к этому роману, в котором Толстой устанавливает две основных пружины деятельности людей: «похоть» (страстей) и «совесть»; по мнению Толстого, в жизни скрещиваются оба эти пути, борьбой обоих начал и движется история. О характере своего повествования Толстой пишет так: «Судить людей я не буду. Я буду описывать только борьбу между похотью и совестью как частных лиц, так и лиц государственных, которых мне необходимо описывать для того, чтобы составить более полную картину жизни всего народа, но для того, чтобы описывать их действия, выражающиеся в этой борьбе, я должен устранить суждения, уже готовые о большинстве государственных лиц». Затем следует рассуждение о причинах, благодаря которым составляются ложные суждения об исторических деятелях: 1) преклонение перед властью, 2) психологическая причина, заставляющая людей, находясь около человека, имеющего власть, писать о нем только положительное, 3) государственные деятели сами пишут свою историю и подготавливают для нее материал, 4) причина, которую можно назвать диалектической, — желание историков слить достоинство народного деятеля с достоинством общечеловеческим.

Особняком от охарактеризованных выше отрывков стоят два варианта предпоследнего (пятого) цикла, описывающие действительность русской жизни в самые тяжелые годы Северной войны—1708—1709 гг. Под-

ход в этих началах у Толстого исключительно субъективен. Толстой замислил изобразить средоточие между велениями власти и преломлением распоряжений Петра в трудовых условиях жизни народной толщи. Местом действия он избрал свою родную Ясную Поляну. Восстановив исторические имена тех пяти помещиков, которые хозяйствовали в то время в Ясной Поляне, Толстой дает в своем наброске описание местности, населения, дает картину быта, заработков и крестьянских порядков. В другом отрывке рассказывается о том, как в чистый четверг 1708 г. в Ясную Поляну возвращается крестьянин Василий, Меншовской барщины; он должен попасть в набор: с 1705 по 1708 г. было пять наборов солдат. Орывок обрывается перед описанием драки.

Печатающиеся в томе наряду с художественными набросками материалы и выписки к роману, сделанные Толстым, представляют особый интерес, вводя в лабораторию творческой работы Толстого. По этим черновым запискам, по пометам, по занесенным для памяти историческим данным, можно судить о том кругозоре, который характеризует Толстого как историка-романиста, свидетельствуя о степени начитанности Толстого. В отношении к «Воине и миру» такие записки не сохранились, вследствие чего некоторые исследователи делали ошибочные заключения (Шкловский, отчасти Эйхенбаум). Нельзя судить о степени углубленности архивных занятий Толстого по количеству посещений; Н. П. Чулков в своей статье «Л. Н. Толстой в московском архиве министерства юстиции» приводит список всех дел, затребованных Толстым из архивохранилища во время его занятий в октябре 1879 г. Если иметь в виду, что Толстой был в архиве не более восьми раз, то являлось естественное предположение, что Толстой мог лишь бегло просмотреть эти материалы. И вот оказывается, что эти сравнительно объемистые дела в количестве 92-х документов сохранились в копиях в нижней части яснополянского кожаного дивана Толстого, донные стоящего в его кабинете. Эти копии и изучались Толстым, о чем свидетельствуют его отметки. Разумеется в подготовленном нами к печати томе приводится лишь перечень этих материалов — целиком публикуются лишь записи и выписки, сделанные рукой самого Толстого. Сюда относятся: 1) отдельные рукописные листы в общей обложке с надписью «бумаги Петра»; 2) тетрадка в виде записной книжки и отдельные листки с заметками, хранившиеся в Ясной Поляне. В том виде, в котором эти заметки набросаны Толстым, они представляют ряд обрывочных, часто бессвязных записей, не представляющих вразумительного материала для чтения. Работа редактора заключалась в том, чтобы выявить, откуда что было взято Толстым, и путем приведения соответствующих мест из исторических источников, привлекавшихся Толстым (печатаются

это наиболее экономным способом), сделать осмысленными все записи Толстого. Несмотря на почти полное отсутствие указаний на книги и страницы, из которых Толстой извлекал свои данные, и большое количество комбинированных извлечений (из разных источников), редактору удалось вскрыть и осмыслить почти все записи Толстого. — процент невыявленного сравнительно незначителен.

О материалах, к которым прибегал Толстой при своих выписках, следует сказать, что это не столько первоисточники, сколько научные труды по эпохе Петра I. Сюда прежде всего относятся исторические исследования Соловьева, Устрялова и Забелина. В научном отношении Толстой обращался к наиболее фундаментальным трудам, не устаревшим и поныне, даже после капитальной работы М. М. Богословского «Петр Великий. Материалы для его биографии, 1925 (машинопись)». Но в своих выписках Толстой отмечает также и такие моменты, которые не были бы выделены историком-ученым в его выписках из прочитанного: выписки Толстого имеют подчас чисто художественное значение; так он отмечает то обстоятельство, что лампада Головкиной была наполнена рыбьим жиром, что у дам были черные зубы, что Петр поцеловал отлично приготовленный после анатомизации труп ребенка, что боярыня Морозова виделась со старицами в нужнике, что, когда Шакловитого везли на розыск, стояла пыль на дороге. Примечательно, что оба писателя, интересовавшиеся Петром, — Пушкин и Толстой — обратили внимание на одну и ту же деталь при допросе Шакловитого, которую не найти в многотомных материалах «Розыскных дел Шакловитого», а именно, — что Шакловитый попросил есть, когда был снят с дыбы. Пушкин это заимствовал из Голикова, на которого он по преимуществу опирался, Толстой — из Желябужского.

Второй исторический роман, печатающийся в XVII томе, — «Трудящиеся и обремененные» — писался в начале 1879 г. Толстой, часто придававший героям своих произведений черты, свойственные тому или иному из его предков (старик Болконский, княжна Марья, Николай Ростов), заинтересовался в этот раз судьбой и личностью брата своей бабки, Василия Николаевича Горчакова, самонадеянного искателя приключений, афериста и прожектера, попавшего в конце концов в Сибирь за фальшивый вексель. Увлеченный замыслом романа, в котором должен был фигурировать Горчаков, Толстой стал энергично собирать архивные и другие материалы о нем и ряде лиц родословной Горчаковых, — об этом свидетельствует переписка Толстого того времени с рядом корреспондентов: Н. Н. Страховым, Е. С. и Д. С. Горчаковыми и И. А. Толстым. В своем романе Толстой отнюдь не предполагал быть апологетом своего рода, наоборот — тенденции Толстого здесь явно демократические. Замысел, развиваемый во всех сохранившихся

отрывках, таков: кн. Николай Иванович Горчаков томится в ожидании наследника, наконец после разных вещаний и предсказаний юродивых в 1757 г. родится долгожданный сын. Это рождение обставляется всяческим вниманием и торжествами. На крестины собираются все почетные родственники, закладывается храм с приделом во имя Василия и т. п. И в тот же день крестьянка родит незаконного сына. Его подбрасывают на княжеский двор. В одних вариантах он зовется Васькой, в других это — Терентий Николаев (этим именем и озаглавлен третий отрывок). Судьба князя Василия и жизнь незаконнорожденного, никому ненужного Васьки, сплетаются, — эти фигуры должны были оттенять друг друга, при чем явно не в пользу кн. Василия. Характерно в этом отношении заглавие последнего, наиболее полного отрывка: «Трудящиеся и обремененные» (другое заглавие — «1757 год»). От романа сохранилось пять вариантов и один конспект.

Замысел третьего романа «Князь Федор Щетинин» стоит в связи с историческими работами Толстого над «Декабристами» и эпохой Николая I. В конце 1877 г. он заинтересовался Турецкой войной 1828—1829 гг. В январе 1878 г. он писал А. А. Толстой: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского». Граф Василий Алексеевич Перовский (1794—1857 гг.) и представлен в лице «Федора Щетинина». Всего Толстой сделал четыре наброска к роману. В отрывках ряд очень ярких сцен с описанием военного быта в южном городе, где находился штаб войск. Приведем отрывок, в котором описывается столкновение Федора Щетинина с главнокомандующим:

«Как только эти два человека увидели друг друга, во взглядах их произошла борьба. Начальник очевидно хотел, чтобы отношения были те же, как всегда, ласковые, приятные. Князь Федор хотел решительного объяснения и выхода из этих отношений. Одну минуту на его лице отразилась улыбка начальника; но вдруг лицо вытянулось, нахмурилось, нижняя губа дрогнула и стала искать левый ус.

— Очень рад вас видеть, князь, — сказал Начальник, медленно опускаясь в кресло и вытянутой рукой берясь за край стола, как будто для того, чтобы придержать, садясь, и потом подать ее.

— Князь, я прочел приказы и приехал сказать вам...

Князь двумя пальцами как бы ощупывал кончики бабенбард и приподнял брови с спокойным удивлением.

— ...сказать вам, что я не того ожидал и, что — губа дрогнула — хотя официально я не имею никакого права ничего требовать, но что мера неофициальных гадостей, которые мне делаются, — переполнена и что я считаю своим долгом высказать это все тому, кто их делает.

— Вы разумеете меня, князь, — с нахму-

ренными бровями, не сердитым, но таким, как будто он говорил: «сердиться и оскорбляться я не могу, но должен показать, что я не позволяю».

— Вас! — Волк вдруг оскалится.

— Я знаю, что есть мир официальный, в котором все правы, я про него говорить не хочу, но есть другой мир частных людей, и я говорю не с командующим Войсками, а с князем П. Б. и я вам в этом качестве говорю, что вы поступили со мной не честно.

— В качестве Начальника вашего я должен отдать вас под суд, но в качестве П. Б. я прошу вас удалиться и прислать мне извинение, — сказалось само собою, он не думал, но как птица соловей поет посоловьиному, так он нечаянно говорил, как главнокомандующий.

— Но не прежде, чем я выскажу все, что я имею сказать.

Кн. Б. стоял и рука его стучала нервно по столу, лицо выражало высоту, до которой нельзя достать.

ТОМ 27-й. „КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА“, „ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ“, „ДЬЯВОЛ“ и др.

27-й том содержит в себе «Крейцерову сонату» и «Послессловие» к ней, «Плоды просвещения», «Дьявол», рассказы «Франсуаза», «Дорого стоит» и несколько статей («Об отношениях между полами», «По поводу дела Скублинской» и др.). Редакция художественных произведений Н. К. Гудия, статей Н. Н. Гусева, в сотрудничестве с В. Д. Пестовой. Рядом с основными текстами в томе напечатаны в большом количестве относящиеся к ним черновые редакции, варианты и планы, в большинстве случаев публикующиеся впервые. Как правило окончательные тексты даются в результате изучения всего относящегося к ним рукописного материала. Необходимость тщательного контроля над рукописными материалами даже прижизненных толстовских публикаций лучше всего уясняется на примере «Крейцеровой сонаты». Эта повесть в процессе работы над ней прошла через восемь редакций, над которыми Толстой трудился упорно и напряженно, радикально перерабатывая их, исправляя, дополняя и сокращая неоднократно переписанные различными переписчиками тексты повести. Переписчики далеко не всегда разбирали как следует трудный почерк Толстого и делали ошибки, которых Толстой не замечал и которые переходили из копии в копию. Вместо «заманчивом свете» они писали «обманчивом свете»; вместо «несвойственное» — «нестественное»; вместо «попался» — «пропал»; вместо «выражений взглядов» — «выражения взглядов»; вместо «она взяла первый аккорд» — «он взял первый аккорд»; вместо «шины выпечатываются на масляной дороге» — «шины выпе-

— Я был в отставке, когда началась война, я поступил не для честолюбия, а потому, что долг каждого человека был жертвовать собой. Как я служил знает вся армия и государь, и товарищи, и начальники — не вы, который приехал после. — Я бы сказал: свидетели моей службы — 5 чинов, золотая сабля, георгиев и 3 раны, если бы не знал, что чины и ордена дают не по заслугам, а раны — случай, и что я только требовал по статуту георгия, получив его, когда я заслужил его 3 раза; но правда это не к делу (отвечая на его движение). Дело в том, что на службе в мирное время теперь, когда все, что сидело, спрятавши под хвост голову, — служба возможна только на «войне». Я отдался всей службе. Я призван на то. Я все принесу в жертву. (Еще злобнее, дрожит губа именно потому, что чувствует это не к делу). Я имею право на повышение. И это первый случай...» (На этом рукопись обрывается).

П. Попов

чатываются на заселенной дороге»; вместо «дружны» — «друзья» и т. д., и т. д. Часто они исправляли, иногда быть может бесосновательно, а чаще сознательно, своеобразное толстовское языка, подгоняя его под общепринятые литературные шаблоны: вместо «ярманка» писали «ярмарка»; вместо «ворочались» — «возвращались», вместо «ты не слушаешь и не видишь глупости, а видишь умное» — «ты не слушаешь и не слышишь глупости, а слышишь умное»; вместо «а мне заседание» — «а у меня заседание»; вместо «страшно острый» — «очень острый» и т. д.

Набор текста «Крейцеровой сонаты» для тринадцатой части сочинений Толстого (1891 г.), где она впервые была напечатана, производился с оригинала, переписанного рукой Софьи Андреевны и содержавшего огромное количество ошибок, отступлений и пропусков сравнительно с последней авторизованной рукописью повести, которая, в свою очередь, как сказано, заключала в себе немало искажений подлинного авторского текста, незамеченных Толстым. В правке корректуры «опротивевшей» Толстому повести он не принимал никакого участия, а Софья Андреевна правила ее исключительно по оригиналу, сданному в набор, в редких случаях внося исправления по собственному почину и тем еще более увеличивая количество отступлений от толстовских автографов.

В результате текст «Крейцеровой сонаты» в тринадцатой части издания 1891 г. — сплошь дефектный. Его многочисленные изъяны частично устранены Софьей Андреевной в тексте двенадцатого издания

1911 г. Искажения делались Софьей Андреевной частично намеренно, большей же частью не намеренно, по рассеянности.

Сознательные искажения вызывались прежде всего ее стремлением избегать рискованных и в печати неудобных с ее точки зрения выражений. Так в словах «как же, я знаю, несколько высшего света девушек выданы родителями за сифилитиков» слово «сифилитиков» исправлено на «больных известной болезнью». Слова «нашлепки на зады» и «нашлепки» заменены словом «турнюры». В словах «в вызывающих чувственность проституточных нарядах» слово «проституточных» исключено. В словах «вы видите, что женщина есть орудие наслаждения; она такова на Трубе и на Грачевке, и на придворном бале» слово «придворном» заменено словом «втонченнейшем», «блудники» заменено словами «безнравственные люди», вместо «публичные дома» — «известные дома». По тем же видимо соображениям сделаны пропуски целых фраз, восстановленных лишь в двенадцатом издании 1911 г.

В некоторых случаях текст искажен Софьей Андреевной видимо по мотивам субъективного свойства. Так еще в одной из ранних копий ею не переписана следующая фраза: «Я не знал тогда изречения Лессинга, который говорит, что суждение каждого мужа о своей жене такое: была одна скверная женщина в мире, и она-то и моя жена». В VI главе, говоря о разочаровании в том, что называется «медовым месяцем», и сравнивая это разочарование с отвращением к курению человека, только лишь начинающего курить, Толстой пишет:

«Наслаждение от курения, так же как и от этого, если будет, то будет потом: надо, чтоб супруги воспитали в себе этот порок».

Последнее предложение Софья Андреевна исправляет так: «надо, чтоб супруг воспитал в жене этот порок». В XVI главе, говоря о болезнях детей от неправильного ухода, Толстой пишет: «и оказывается, что виновата она, сделала не то, что надо делать». Софья Андреевна исправляет: «виноваты мы, сделали не то». В нескольких случаях Софья Андреевна, видимо также намеренно, сделала некоторые исправления слога повести с целью «улучшить» его.

Общее количество бессознательных искажений, допущенных Софьей Андреевной в переписанной ею копии, достигает двухсот. В комментарии к повести дан исчерпывающий список всех искажений печатавшихся до сих пор ее текстов.

Рассказ «Франсуаза» был напечатан впервые в «Новом Времени» от 5 февраля 1891 г. Получив от Толстого *carte blanche* по части необходимых цензурных его исправлений, издатель газеты Суворин широко этим разрешением воспользовался. Так слово «девка» он в большинстве случаев

заменял словом «женщина», исключив такие выражения, как «и их мучила похоть», «от похоти», «полных женскими телами». Слова «по спальным комнатам» заменены словами «по отдельным комнатам», а рядом стоящие слова «Из спальных комнат» заменены словами «Оттуда». Исключены слова «У каждого на коленях спала девка». Слова «верхом у него на коленке сидела» заменены словами «С ним сидела». Кроме того, быть может по небрежности корректора, допущены некоторые ошибки по сравнению с подлинным текстом Толстого. В огромном большинстве изданий, в том числе и в ленинзовском 1928 г., текст «Франсуаза» печатался по тексту «Нового Времени». В 1913 г. П. И. Бирюков в редактировавшемся им издании сочинений Толстого напечатал «Франсуазу» по искусственному тексту, представлявшему собой комбинацию текста «Нового Времени», подлинного текста Толстого и отчасти текста в незаключенной редакции. В настоящем издании рассказ впервые печатается по бесспорно достоверному и авторитетному авторскому тексту.

Сверка печатных публикаций толстовских статей с рукописями также дала возможность исправить много ошибок, вкравшихся в печатные тексты по вине переписчиков (ср. например статью «Для чего люди одурманиваются»).

Комментарий содержит в себе исчерпывающую историю писания и печатания входящих в том произведений, прослеживающую эволюцию текста в его постепенном формировании, а также описание всех рукописей, относящихся к тому или иному произведению. Он основывается преимущественно на дневниках, записных книжках и письмах Толстого, в большинстве неизданных, а также на письмах близких Толстому лиц и их дневниках и воспоминаниях, частично также неизданных. Весь этот материал во многом по-новому освещает историю возникновения создания ряда толстовских вещей. Так например, устраняется первоначальное предположение о том, что Толстой в своих дневниковых записях повесть «Дьявол», называл «Историей Фридриха» для того, чтобы скрыть от Софьи Андреевны автобиографический элемент повести. Привлеченное к комментарию письмо А. М. Долинина-Иванского к толстоведу П. С. Попову убеждает в том, что Фридрихс был реальное лицо, и его судьба и характер во многих подробностях совпадает с судьбой и характером героя «Дьявола» Иртенева. Становится таким образом несомненным, что «Дьявол» представляет собой своеобразное переплетение лично пережитого и испытанного Толстым с фактами биографии известного ему постороннего лица. Знакомство с неопубликованными дневниковыми записями Толстого и анализ почерка заставляют утверждать, что второй вариант конца повести, по которому Иртенев не кончает самоубийством, а убивает Степаниду, написан Толстым не-

задолго до смерти, в 1909 г. Тогда же повесть впервые получает и свое заглавие «Дьявол». Тщательный и детальный комментарий к вставке Толстого в брошюру

Е. А. Покровского «Об уходе за маленькими детьми» всесторонне характеризует Толстого как редактора чужих работ.

Н. Гудзий

ТОМ 46-й. ДНЕВНИКИ 1847—1854 гг.

Помещенные в 46-м томе (ред. А. С. Петровский) дневниковые материалы охватывают период с 27 января 1847 г. по 18 февраля 1854 г. и состоят из двух частей: из собственно «дневника» и из так называемых автобиографических записей, куда входит ряд тетрадок с «Правилами», с выделенными из дневника «Мыслями», «Наблюдениями», «Сведениями» и отрывками дневникового характера, не включенными в дневник.

Сюда относится прежде всего и так называемый «Журнал ежедневных занятий», представляющий собой тетрадку с расписанием по часам занятий на каждый день и с отметками об исполнении или неисполнении предполагаемого. «Журнал» этот начинается 27 января 1847 г. и обрывается 7 июня того же года. Это—первый зачаток, из которого впоследствии развился дневник. Мыслей, оценок, рассуждений мы здесь еще не встречаем. Но он дает нам точную картину учебных университетских и домашних занятий Толстого, его чтения, переписки, передвижений и т. д. Толстой усердно читает «Фауста» Гете, Руссо (вероятно—«Об общественном договоре»), Гоголя, переводит с немецкого главы из «Учебника германского уголовного права» популярного в то время профессора Ярке, усиленно занимается языками: немецким, английским латинским и итальянским; из университетских предметов—энциклопедией права, римским правом («Институциями» Юстиниана), так называемым публичным, т. е. европейским, государственным правом, теорией уголовного права, историей гражданского права, общей и русской историей. Занятия эти продолжаются и после оставления университета в апреле 1847 г. и переселения в Ясную Поляну для занятия сельским хозяйством и исполнения обязанностей «русского помещика». Но главным занятием Толстого в это время была заданная профессором Д. И. Мейером работа над сравнением «Наказа» Екатерины II с сочинением «О духе законов» Монтескье. Мы не знаем, была ли эта работа представлена в университет. До нас дошла только черновая тетрадка с довольно подробным и последовательным, по главам, разбором «Наказа», перебиваемым кое-где записями и рассуждениями дневникового характера. Заканчивает Толстой свой разбор «Наказа» словами: «Вообще мы находим в этом произведении более ясности, чем основательности, более остроумия, чем разума, более тщаславия, чем любви к народу... В заключение скажу, что Наказ этот принес больше славы Екатерине, чем пользы России».

Дневник в собственном смысле слова Толстой начинает вести только с 7 апреля 1847 г., когда он уже решил покинуть совершенно не удовлетворявший его университет и переселиться в деревню, и ведет его до 16 июня 1847 г. Затем следует трехлетний перерыв до 14 июня 1850 г. «Последние три года, проведенные мною так беспутно, иногда кажутся мне очень занимательными, поэтическими и частью полезными; постараюсь пооткровеннее и поподробнее вспомнить и записать их», записывает Толстой в этот день. Но к сожалению это намерение осталось неисполненным, и об этом периоде жизни Толстого мы знаем только по дошедшей до нас его переписке (см. т. 59) и архивным документам. С 14 июня, или точнее с 8 декабря 1850 г., так как с 19 июня мы опять имеем перерыв в пять с половиной месяцев, начинается уже систематическое ведение дневника, продолжающееся, с небольшими перерывами, до конца 1865 г., когда он опять обрывается, и на этот раз уже на 13 лет—до 1878 г.

Лето 1850 г. Толстой занимается в Ясной Поляне хозяйством, немного чтением («теперь читаю Montesquieu») и усиленно музыкой, испытывая «счастье артиста» (стр. 101)—не только техникой фортепианной игры, но и теорией. От этих занятий сохранился отрывок «Основных начал музыки и правил к изучению оной» (см. т. I, стр. 244—245). В начале декабря он переезжает в Москву и отдается прежней «беспутной» жизни с посещением светских знакомых, карточной игрой, «цыганерством», но с постоянным сознанием пустоты этой жизни, недовольством собой и тщетными попытками наладить систематическое чтение и занятия. К этой зиме 1850/51 г. относятся и первые попытки литературной работы: замысел (повидимому неосуществленный) «повести из цыганского быта», писание «Истории вчерашнего дня» (см. т. I, стр. 279—294) и начало работы над «Детством». Дневник этого периода очень лаконичен и заполнен главным образом записями разных неоднократно составлявшихся Толстым для себя правил как внешнего поведения (вплоть до правил карточной игры), так и внутренней жизни (работы над своим характером) и отметками об исполнении или нарушении этих правил.

Глубокое неудовлетворение этой жизнью и бессилие изменить ее, оставаясь в тех же внешних рамках, приводит Толстого к решению одним ударом вырваться из нее и перенестись в совсем другую обстановку. 20 мая 1851 г. он внезапно уезжает на Кавказ вместе с братом Николаем Нико-

лаевичем, в то время офицером 4-й батареи 20-й артиллерийской бригады, входившей в состав действующей кавказской армии, и 30 мая приезжает в хорошо знакомую читателям по поэтическому описанию в «Казаках» станицу Старогладковскую (в «Казаках» — Новомилинскую), где квартировала эта батарея. «Пишу 30 июня [описки, вместо 30 мая] в 10 часов ночи в Старогладковской станице. Как я сюда попал? Не знаю. Зачем? Тоже». И далее, 11 июня: «Уже дней пять я живу здесь [в Старом Юрте, куда он поехал вслед за братом], и одержим уже давно забытой мною ленью. Дневник вовсе бросил... Ночь ясная, свежий ветерок продувает палатку и колеблет свет нагоревшей свечи. Слышен отдаленный лай собак в ауле, перекличка часовых. Пахнет засыхающими дубовыми и чинаровыми плетнями, из которых сложен балаган. Я сижу на барабане в балагане, который с каждой стороны примыкает к палатке, одна закрытая, в которой спит Кнорринг (неприятный офицер), другая открытая и совершенно мрачная, исключая одной полосы света, падающей на конец постели брата. Передо мной ярко освещенная сторона балагана, на которой висит пистолет, шашка, кинжал и подштанники. Тихо. Слышно — дунет ветер, пролетит букашка, покрожит около огня, и всхлипнет и охнет около солдат». — Начинается новый период жизни Толстого, характеризующийся отрывом от тяготившей его и в то же время неизменно привлекавшей рассеянной, светской жизни, близостью к природе, большим досугом для чтения, самоуглубления и творческой работы, но также и большим душевным одиночеством, на которое он обрек себя своим внезапным порывом. Все это отразилось и на характере дневника его кавказской жизни. Это уже не таблица поведения, не голый перечень нарушений очередных светских визитов, как в зиму 1850/51 г. Мы находим здесь и описания природы, и художественные характеристики личностей (напр. офицера Кнорринга, стр. 67—68, казака Луки, стр. 83—86), и лирические излияния (стр. 79—80), и описания волновавших его душевных переживаний, и обильное чтение, переходящее порой в систематическое изучение и — главное — осознание своего призвания как писателя, и упорная, систематическая творческая работа. Перед нами проходит в дневнике весь ход работы Толстого над последовательными редакциями «Детства», «Отрочества», над кавказскими рассказами, «Набегом», «Рубкой леса», над началом «Казаков», задуманных было сначала в форме стихотворений «Казацкой поэмы», над «Романом русского помещика», «Записками маркера», проходят перечни осуществленных и неосуществленных замыслов.

Из внешних событий за этот период надо отметить поездки на Каспийское море, в Тифлис, в Пятигорск и записи об участии в военных походах под начальством генерала кн. А. И. Барятинского, в Боль-

шую Чечню в июне 1851 г., в январе — феврале 1852 г. и в январе — марте 1853 г. В этих походах, записанных к сожалению очень кратко, Толстой не раз подвергался серьезной опасности. Так в деле 17—18 февраля 1852 г. он едва не был убит снарядом, ударившим в колесо орудия, около которого он стоял.

Значительное место отводится в кавказском дневнике суждениям по поводу прочитанных книг и выпискам из них. Из русской литературы мы встречаем упоминания о Лермонтове: «Читал Лермонтова 3-й день» (стр. 154), о Тургеневе («читал «Записки охотника» Тургенева и как-то трудно писать после него», стр. 170), о Д. В. Григоровиче («Проселочные дороги» очень хорошо, но жал, что подражание», стр. 100; «Разве Антона-Горемыку... поймет народ», стр. 71) с замечательным суждением по поводу его романа «Рыбаки»: «Простой народ так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишений жизнью, что как-то нехорошо нашему брату искать и описывать в нем дурное. Оно есть в нем, но лучше бы говорить про него (как про мертвого) одно хорошее. Это достоинство Тургенева и недостаток Григоровича и его Рыбаков» (стр. 184); о А. Ф. Писемском («Читал рассказ Писемского Леший. Что за вычурный язык и неправдоподобная канва!» — стр. 210); М. В. Андреева (роман «Огненный змей»), М. А. Михайлова («Повесть М. Михайлова «Кружевница» очень хороша, особенно по чистоте русского языка», стр. 125), о повестях П. А. Кулиша, М. С. Жуковой, И. И. Панаева, В. Р. Зотова и др. Систематически прочитываются новые книжки «Современника», «Отечественных Записок», «Библиотеки для Чтения» с выписками в дневник останавливавшихся на себе внимание мест. Из иностранной литературы: Гете («Страдания молодого Вертера»), Бернарден де Сен-Пьер («Полю и Виржини»), Жорж Санд («Орас»), Эжен Сю («Вечный жид»), Эмиль Сувестр, Ламартин (поэма «Жоселен», роман «Мадлен»), Фенимор Купер, Дичер-Стоу, Дизраэли и др.; но в особенности оказавший на Толстого значительное влияние английский писатель Лоренс Стерн («Сентиментальное путешествие», «Тристрам Шенди», «Мемуары»), и прежде всего Руссо, которого Толстой, по собственному признанию, «прочел всего, все двадцать томов, включая словарь музыки», и многие страницы которого были так близки ему, что, казалось, он «написал их сам». Разбор и обсуждению «Исповеди» Руссо и «Исповедания веры саовийского викария» (IV книга «Эмilia») посвящены многие страницы дневника. Большое впечатление произвели на Толстого «Записки флота капитана В. М. Головнина в плену у японцев»; в 1862 г. он вспомнил о них и отвел сокращенному изложению их 12-ю книжку «Ясной Поляны».

Особое место занимает историческое чтение Толстого, временами чрезвычайно

захватывавшее его и переходившее в систематическое изучение. Им прочитаны в бытность на Кавказе (отчасти еще может быть и в Москве): «История жироидистов» Ламартина, «История французской революции» Тьера, «История Англии» Давида Юма, «История крестовых походов» Мишо, «История государства российского» Н. М. Карамзина, «Русская история» Н. Г. Устрялова и «Описание войны 1913 года» А. И. Михайловского-Данилевского, официальный патриотизм которого произвел на Толстого отрицательное впечатление («читал Михайловского-Данилевского—плоско», стр. 133) и внушил ему мысль «составить истинную, правдивую историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь. Есть мало эпох в истории столь поучительных, как эта, и столь мало обсужденных—обсужденных беспристрастно и верно, так, как мы обсуживаем теперь историю Египта и Рима. Богатство, свежесть источников и беспристрастие историческое, невиданное—совершенство. Перед тем, как я задумал писать, мне пришлось в голову еще условие красоты, о котором и не думал—резкость, ясность характеров» (стр. 141—142).

Еще надо упомянуть о записи в дневнике 1 февраля 1852 г. двух чеченских песен, имеющей большую научную ценность как первого по времени письменного памятника чеченского языка в ряду немногих других, по которым мы можем судить о диалектах и об истории этого языка за истекшее столетие. При этом надо отметить удивительную в тогдашних условиях точность записи и передачи непосредственного акустического впечатления чеченской речи, поскольку это можно было сделать,

пользуясь знаками русского алфавита. В примечаниях к дневнику помещена произведенная проф. Н. Ф. Яковлевским по просьбе редакции реконструкция текста этих песен в упрощенной латинской транскрипции и выполненный им же буквальный подстрочный перевод.

Одновременно с писанием дневников Толстой несколько раз принимался за составление так называемых «Правил жизни». Таких правил, не считая вкрапленных в самый текст дневника, за период 1847—1854 гг. сохранилось пять тетрадок: три, относящихся к весне 1847 г., и две—к осени 1853 и зиме 1853/54 г. В октябре 1853 г. Толстой задумал выписывать в отдельные тетради накопившиеся у него ежедневно и разбросанные раньше по страницам дневника «Наблюдения», «Мысли» и «Сведения», но провел это только в течение нескольких дней, с 15 по 22 октября. Эти записи напечатаны в 46-м томе на стр. 277—288.

К дневнику молодости приложены составленные С. А. Толстым и М. А. Цвяловским при участии Н. П. Чулкова шесть генеалогических таблиц: I) предков Л. Н. Толстого; II) рода графов Толстых (в таблицу введены лица, родившиеся по год смерти Толстого); III) рода князей Волконских (род матери Толстого); IV) рода князей Горчаковых (род бабки Толстого по отцовской линии); V) рода князей Трубецких (род бабки Толстого по материнской линии) и VI) потомков Толстого (сведения даны, кончая августом 1928 г.).

Том 46-й уже весь набран и должен выйти в непродолжительном времени.

А. Петровский

ТОМ 54-й. ДНЕВНИКИ И ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ 1900—1903 гг.

Включенный в 54-й том (ред. К. С. Шохор-Троцкий) дневниковый материал разнообразен. Основную часть толстовского текста составляет дневник за четыре года, занимающий почти тринадцать печатных листов. Наибольшее количество записей Толстого относится к 1900 г., наименьшее—к 1902 г. К собственно дневниковому тексту примыкает первый черновой набросок рассказа, озаглавленный «Человеческое и Божеское». Набросок сделан в тетради дневника после записи 30 декабря 1903 г. и замыкает эту тетрадь. Вторую часть текста составляют шесть записных книжек разного типа и отдельные записи, в том числе списки художественных сюжетов и записи в сувенирные альбомы. Сюда же входит текст двух газетных вырезок. Толстой не имел обыкновения вклеивать вырезки в текст своих записей, как это делал Короленко, а сохранял вырезки в кармашке записной книжки. Все содержание

второй части текстов занимает около восьми печатных листов. Полнее всего представлен в записях 1902 г. Вследствие болезней Толстой чаще и более систематично делал записи вне дневника. Временами он пользовался для этого двумя «книжечками», а иногда даже тремя. «Записываю в той книжечке—события, здесь мысли». Формально две «книжечки» были печатными календарями: календарный блок-нот при настольном бюваре и «Настольный иллюстрированный календарь Т-ва «Просвещение». Записи делались и в самые тяжелые периоды болезней Толстого. Когда он бывал не в состоянии сам записывать и много диктовать, то дежурившие у его постели в немногих словах записывали об его самочувствии и поведении (февраль, март и декабрь 1902 г.). И эти записи, и главные записи самого писателя, изо дня в день на протяжении ряда месяцев отмечавшего не только факты, но и течение своей твор-

ческой работы, имеют исключительную ценность, несмотря на их лаконичность. Редакторы известных публикаций записных книжек и дневников Чехова выпустили из них многие деловые записи, в частности — адреса. Комментарий к записным книжкам Толстого доказывает, что это несомненная ошибка. Все записи писателя представляют интерес. Адрес иного лица неожиданно оказывается связанным и с неизвестными фактами из жизни писателя, и — что особенно ценно — с его творческими замыслами и работой. И текст дневника, записных книжек и других записей Толстого, сделанных

только эмбрион мысли и состоит из одного, двух, пяти слов, много из нескольких строк. При перенесении же мысли в дневник она не только заново оформлялась, но и приобретала нужную ясность, а иногда получала совсем другой, неожиданный смысл.

Записная книжка

Я чужой...

Дневник

Странное мое положение в семье. Они мож[ет] б[ыть] и любят меня, но я им не нужен, скорее encombrant; если нужен, то

Л. Н. ТОЛСТОЙ В ТАСПРЕ В 1902 г.

Из иллюстраций к 54 тому академического издания Толстого

«для себя», «для памяти», должен печататься и печатается полностью.

Как дневник Толстого эпохи создания «Крейцеровой сонаты» (1888—1889) не похож на дневник молодого Толстого, так и дневник начала XX в. отличается от дневника конца 80-х и начала 90-х годов. Если в эти годы Толстой немало посвящал места внешним событиям своей и окружающей жизни, то к началу нового века он стал все реже, меньше отмечать в дневнике факты и больше излагать свои мысли. Еще с конца 80-х годов он стал развивать у себя привычку записывать мысли в карманных записных книжках и затем переносить многие из этих записей в тетрадь дневника. Благодаря этому многие из записей Толстого сохранились в двух редакциях. Первоначальная редакция, набросанная нередко на ходу или на прогулке верхом, в записной книжке, дает часто

нужен как всем людям. А им в семье меньше других видно, чем я нужен всем. От этого: несть пророка без чести... (21 августа 1900).

Записная книжка

Литераторы подняли значение литературы.

Дневник

Литераторам, их трудам приписывается неподобающее им значение и важность, потому что в руках литераторов пресса, устанавливающая общественное мнение. Только этим можно объяснить эти странно серьезные рассуждения критиков о значении героев, поэм, романов... Тем же объясняется и преувеличенное значение, придаваемое искусству. Они все одной клики. (10 октября 1900.)

Записная книжка
19 кабаков у Вяземской.

Дневник

Поразило меня известие, что кн. Вяз[емская], квинтэссенция будто бы аристократии: упряжки à la Даушон, и французский лепет, и на ее имя в Тамбовской губернии 19 кабаков, приносящих по 2000 р[ублей]. И они говорят—не о чем писать, и описывают прелюбодеяния. (12 ноября 1900.)

В некоторых случаях заметки, сделанные в записной книжке, пространно развертывались Толстым в дневнике. Так заметка в шесть слов «Есть религия, философия, наука, искусство больш[и]нства!» развита им на протяжении 34 строк, при чем подробнее всего Толстой остановился на Дарвине и дарвинизме. Встречается случай, когда он не только радикально изменил одну часть мысли, но даже сделал и в дневниковой редакции вымарки и добавил в конце записи «Листок этот надо вырвать». Объясняется это вероятно нежеланием, чтобы данная запись, затрагивающая вопрос о браке, стала известна Софье Андреевне. Однако все записи этой мысли уцелели и полностью, включая и вымаранное, расшифрованы.

Как правило, дневниковая запись состоит из краткого сообщения о некоторых фактах личной и творческой жизни писателя и затем из ряда мыслей, большей частью основанных на заметках в записной книжке. И дневник, и записные книжки Толстого замечательны прежде всего исключительной искренностью. Наряду с ценнейшими сообщениями из области своей внутренней жизни, наряду с самообличением Толстой иногда делает поразительные записи о самом себе. 5 августа 1902 г. он пишет: «Удивительное дело: я знаю про себя, как я плох и глуп, а между тем меня считают гениальн[ым] человеком. Каковы же остальные люди?» А в июне 1903 г. пишет, что «хорошо бы» «описать себя во всей правде, какой я теперь, со всеми моими слабостями и глупостями, в перемежку с тем, что важно и хорошо в моей жизни» (запись 18 июня).

В дневниковых записях конца 80-х и первой половины 90-х годов многие записи, относящиеся к тяжелейшим переживаниям Толстого, оказались в ы м а р а н ы Софьей Андреевной, а в некоторых случаях и самим Толстым. Из дневника 1897 г. Толстой вырезал и решил сжечь два листка с такими записями. В самые последние годы своей жизни он прибегал иногда к ведению отдельного интимного «дневничка» (см. статью о т. 58-м). В 1900—1903 гг., которыми датируются материалы 54-го тома, Толстой постоянно скрывал или если упоминал, то в замаскированной форме, о том тяжело, что им переживалось. И читателю его дневника, желающему подойти к Толстому серьезно, придется не только обращаться к комментарию, но прежде всего научиться правильно понимать условный, для самого себя выработанный словарь Толстого, которым он пользовался почти

исключительно в дневнике и в записных книжках. Толстой скрывал например под словами «старый соблазн» желание уйт и из мучительных для него условий жизни. Или же он называл «экзаменом» возникшие осложнения и обострения в отношениях с Софьей Андреевной и с некоторыми другими членами своей семьи. Нередко за словами о «дурном расположении», о борьбе с «несхорошими чувствами» им скрыты те же осложнения. И только сопоставление мало говорящей записи «Грустно вечером» с документами позволило установить, что этими двумя словами Толстой отметил взволновавший его исключительно тяжелый конфликт между Софьей Андреевной и Марией Львовной из-за его завещания, хранившегося у последней втайне от матери. Замаскирован Толстым и бурный инцидент в январе 1900 г., когда к гостившей у него сестре приехала по ее вызову престарелая ее горничная, в молодости, до женитбы Толстого, бывшая с ним в связи. Немногие места в этом дневнике вымараны самим Толстым. В редких случаях, записывая о том или ином лице, Толстой вместо имени ставил NN. Например: «NN очень неприятен мне».

Том 54-й открывается 1900 годом, который был встречен Толстым в Москве. Освобожденный от физических страданий (в конце 1899 г. он тяжело болел) и от вынужденной, в силу обязательства перед «Нивой», срочной работы над «Воскресением», Толстой стал изучать бытовую обстановку и условия работы вокзальных грузчиков и фабричных рабочих и, возмущенный, взялся за писание статьи «о 36-часовом труде», которую впоследствии озаглавил «Рабство нашего времени». Посещение же новых постановок Московского Художественного театра вызвало у Толстого желание работать в драматической форме. «Ездил смотреть Дядю Ваню и возмущался. Хотел написать драму Труп, набросал конспект» (27 января 1900 г.) Вскоре, повидимому в связи с работой над этой пьесой, в которой по черновому плану была намечена сцена «Свидетельствование» (трупа), Толстой внес в записную книжку два имени и адрес—«в Университетском анатомическом театре». Затем в течение 1900 г. он набросал пьесу.

3 мая Толстой уехал из Москвы к дочери в тульскую деревню и сразу, по его словам, «ожил от деревни». Этим летом в Ясной Поляне его «до умиления трогает природа: луга, леса—хлеба, пашни, покос» (23 июня). И он записывает мысль: «Разрушаем миллионы цветков, чтобы воздвигать дворцы, театры с электр[ическим] освещением, а один цвет репья дорожке тысяч дворцов» (12 июля). В деревне у него рождаются новые замыслы. Он записывает: «Думаю о крестьянском романе» (5 мая). «Ужасно хочется писать художественное, и не драматическое, а эпич[еское]—продолжение Воскр[есения]: крестьянская жизнь Нехлюдова» (23 июня). Хотя он и позднее воз-

вращается к этим мыслям, замыслы эти остались неосуществленными. В Ясной Поляне, в которой он прожил почти безвыездно с 18 мая до середины октября, он продолжал работать над статьёй «Работство нашего времени» и драмой «Живой труп». Написал небольшие предисловия к политико-экономическим исследованиям англичанина Джона Кенворти («Анатомия нищеты») и японца Тэнтгаро Макато («Японский обзор политико-экономических теорий нашего мира»), задумал обращение к «царю и его помощникам», работал и над другими статьями. Он откликается на политические события. Возмущенный устроенной европейцами «дерзкой бесчеловечной китайской резней» (подавление в Китае так называемого боксерского восстания), Толстой стал набрасывать обращение «Христиане—китайскому народу». И позднее записывает в связи с этим в «книжечке»: «Ne pas se laisser imposer par le jargon diplomatique. Просто грабители—в Китае. И когда подавляют восстание просто разбойники дупащие отбивающую жертву». Осенью Толстой обсуждает программу и следит за судьбой затеянного П. А. Буланже журнала, не разрешенного цензурой. В ноябре он в последний раз приезжает в Москву на зиму. Эту зиму 1900/01 г. он проводит в напряженной работе. Возобновляются его занятия китайской философией, и он пишет на страницах своего дневника и тут же отделяет изложение «Великого (китайского) учения» и «Учения середины». Затем он возвращается к мыслям написать «царю и его помощникам». Он заносит ряд сильных мыслей, анархиста о «разбойничьем гнезде»—государстве, замысел писать «обличение неверия и разбойничьего царства» и записывает интереснейшие «программы» желательных для русского народа реформ. Вот последние из них (третья):

I	1) Уничтожение крестьян[ского] управл[ения] — розги, 2) смертную казнь, 3) преследо[вание] вер,
II	Уничтож[ение] 1) винной торговли, 2) пошлин, 3) земельной собств[енности] — единый налог,
III	1) Уничтожение 1) <зачеркнуто: Имперализма: самоуправление Финл[андское], Ост[а]йское, Польск[ое], Грузинское>. 2) Особых политич[еских] преследов[аний], 3) тюрем, ссылок, 4) свободу печати.
IV	Уничтоже[ние] 1) <зачеркнуто: империа[лизма]> набора, 2) Церкви госуда[рственной], 3) Управление Пол[ьши], Финл[андии] и др.

Под этой программой проведена черта и затем приписано:

Представит[ельство].

Федерация.

Эти «программы» несомненно не полностью соответствовали взглядам самого Толстого и вероятно имели несколько, еще не установленных, источников. Выяснение их войдет вероятно в специальные исследования редактора обращения «Царю и его помощникам» и неизданной «программы» под заглавием «Чего желает прежде всего большинство людей русского народа». Их Толстой писал в марте и апреле 1901 г. В это же приблизительно время, в начале апреля, он внес в записную книжку такие наброски:

«Кого вы усмиряете. Мы не бунтовщики, а просим только, чтобы нас крестьян перестал[и] обижать, сравнили с др[угими] русск[ими] жител[ями], чтобы нас не секли, не закабалли в работе, не отдавали нас во власть особых начальников, а взыски[вали] с нас по общим зак[онам], чтобы не запрещали бы нам читать книги, какие нам нужно, не запрещали заводять школы и учить в них наших детей, как нам надо, не запрещали веровать и молиться по своей совести. Мы не бунтуем, а просим только, чтобы перестал[и] обижать нас, как обижали и обижают до сих пор.—

Мы хотим того что всем [?] нужно, а вы готовит[есь] стрелять нас. Мало того что это греш[но]. Вы себя губите. Брос[ьте] ружья».

В феврале того же года, совместно с П. В. Безобразовым (византист и литератор) и по инициативе последнего, Толстой вновь разрабатывает программу журнала, сохраняя в то же время до конца в полной тайне эту затею из опасения новой неудачи при исхлопотании разрешения на журнал. Он делает заметки в связи с планом журнала, содействует изысканию на него средств. Однако и на этот раз осуществить издание не удалось.

Распубликованное в феврале 1901 г. историческое «определение» Синода «с посланием верным чадам православных греко-русских церкви о графе Льве Толстом», понятое всеми как отлучение его от церкви, возбудило небывалый до того по своим размерам интерес к Толстому. Он стал предметом горячих споров. Ему лично выражали сочувствие публичными демонстрациями, адресами, письмами. С другой стороны, он получал и ругательные, в буквальном смысле, письма от некоторых приверженцев церкви. Все это отразилось в записях Толстого и вызвало знаменитый его «ответ» Синоду. Тогда же он откликается на события русской общественной жизни—избиение демонстрантов на Казанской площади в Петербурге, «студенческие истории», закрытие Союза взаимопомощи русским писателям и др.

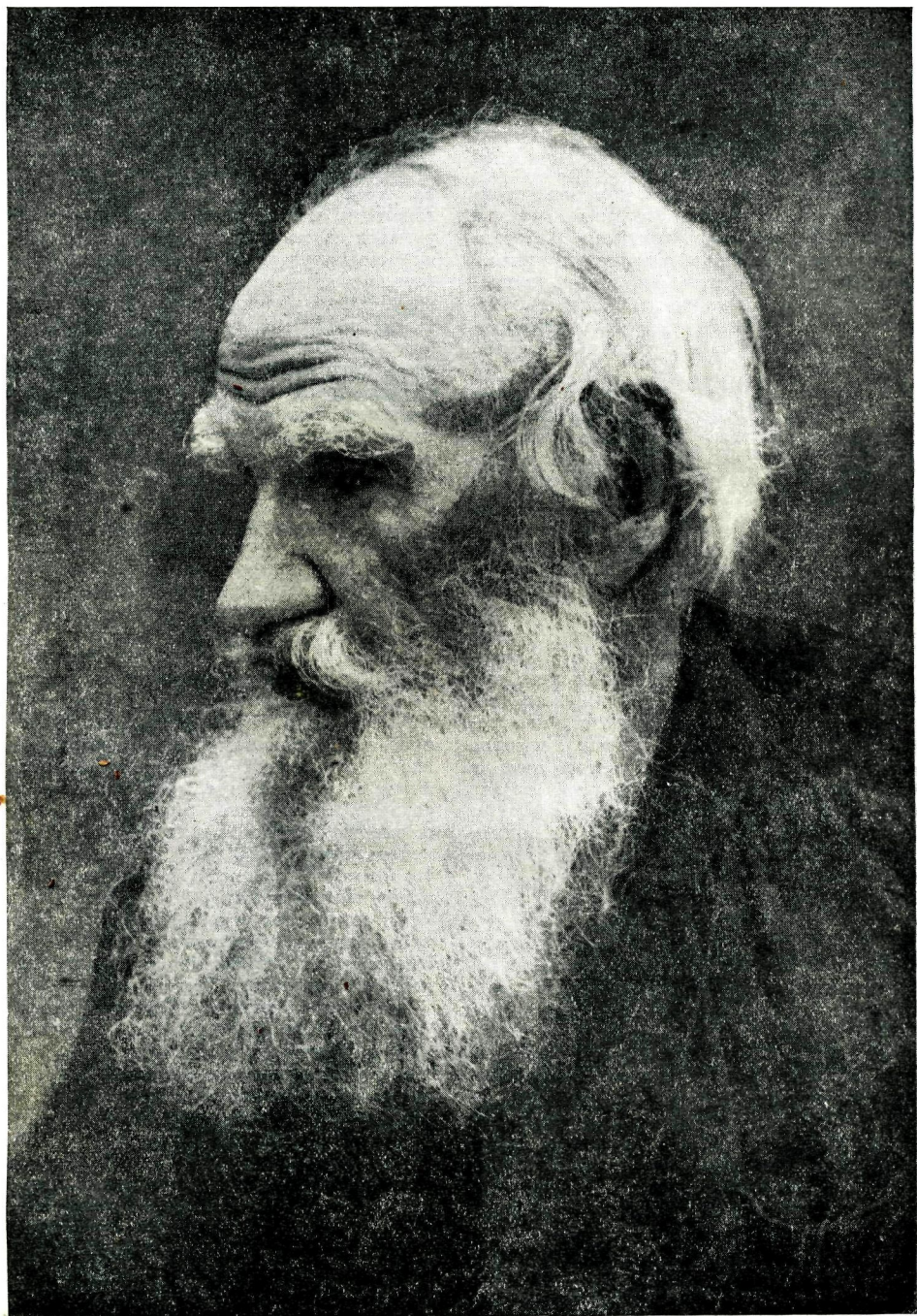
Ранней весной 1901 г. Толстой, как всегда, уехал в Ясную Поляну. Здесь он вновь взялся за предисловие к «Крестьянину» Поленца. В связи с этой работой он записал в дневнике: «Вписать в предисловие

о Bütnerb[auer'e], что Орлову [художнику] есть что сказать, и он умеет сказать. А сказать ему есть то, что он любит мужика, того, кто кормит нас. От этого же обратили внимание на Горького. Мы все знаем, что босяки—люди и братья, но знаем это теоретически; он же показал нам их во весь рост, любя их, и заразил нас этой любовью. Разговоры их неверны, преувеличены, но мы все прощаем за то, что он расширила нашу любовь» (11 мая 1901). Эти мысли в предисловие не включены.

В конце июня он тяжело заболел, вызвав серьезные опасения как у близких, так и в русском обществе. Выражения сочувствия и приветствия посыпались в Ясную Поляну. Вскоре его увезли в Крым ради лучшего восстановления сил. В Гаспре, из-за новых заболеваний, он прожил десять месяцев. Накануне тяжелой из болезней (получившее воспадение легких), уже больной, Толстой закончил и отослал письмо к Николаю II о положении России. Через три недели в серьезный момент болезни, после первого кризиса, он продиктовал предисловие к солдатской и офицерской «памяткам», в котором говорил уже о бесполезности обращения к царю. Позднее он записал: «Обращаются к царю, советуя ему сделать то то и то то для общего блага. И я делал это. От него ждут помощи, действий, а он сам чуть держится. Все равно, как человеку, который еле-еле руками, зубами держится за сук над пропастью, советовать помочь подняться бревном на стену» (25 июня 1903). В момент, когда жизнь Толстого была в опасности и правительство уже давало распоряжения на случай его смерти, митрополит Антоний пытался через С. А. Толстую вернуть умирающего в «лоно» церкви. Были и другие подобные «увещения». В связи с этим Толстой продиктовал: «Говорят: вернитесь к церкви. Но ведь в церкви я увидел грубый, явный и вредный обман. «Продолжайте у нас покупать муку»,—но ведь я знаю, что ваша мука—с известкой, вредна».—Выздоровление шло очень медленно. Весь март Толстой провел еще в постели. 1 марта он впервые смог сам прочесть письма и газеты, 23 марта впервые сам написал письма. За время болезни он беспрестанно диктовал отдельные мысли и «невольно обдумывал самые разнообразные начатые вещи, которые, вероятно, никогда не будут кончены». В апреле, еще слабый, он уже сам записывает в «Календарный блок-нот». 16 апреля: «Обдумываю «К молодежи». И нет ясного вступления». 23 апреля: «Обдумываю] к рабоче[му] и нерабочему народу». 30 апреля запись в связи с подавлением крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губерниях: «Страшное правительственное сообщение о беспорядках]. Хочется писать об этом. Мало ли что хочется, надо до конца служить». Замыслы эти в значительной части не были осуществлены—Толстой вторично серьезно заболел (брюшной тиф) и до воз-

вращения в Ясную Поляну (конец июня) был очень слаб, а затем возобновил работу над статьей «К рабочему народу». Закончив ее, он с июня 1902 г. стал много работать над «Хаджи Муратом». Хотя 1 августа он и сделал запись «Совестно писать пустяки», все же кавказскую повесть он писал не только в 1902, но и 1903—1904 гг. Кроме этой повести осенью 1902 и зимой 1902/03 гг. Толстой, несмотря на несколько продолжительных болезней, работал еще над многими вещами: обращение «К духовенству», повесть «Фальшивый купон», драма «И свет во тьме светит» и др. В 1903 г. начинает «Воспоминания детства», напряженно работает в дневнике над «философским изложением жизни», пишет обращение «К политическим деятелям», три сказки, рассказ «После бала», затем статью «О Шекспире и о драме», тема которой занимала его, как он говорил, почти столетия. Летом этого года Толстой отмечает в дневнике: «Много задумываю писаний; очевидно неисполнимых» (4 июля). По имеющимся данным к этому именно моменту относится замечательная запись Толстого на отдельном листке: список двадцати двух (!) художественных замыслов. Полный ее текст впервые печатается в 54-м томе. О сюжете написанного вскоре рассказа «После бала» Толстой еще раньше, намекая его в сборник «Гилф» в пользу жертв кишиневского погрома, записал в дневнике: «В еврейский сборник: веселый бал в Казани, влюблен в (зачеркнуто: Ко) красавицу, дочь воинск[ого] начал[ьника]—Поляка, танцую с нею; ее красавец старик-отец ласково берет ее и идет мазурку. И на утро после влюбленн[ой] бессонной ночи, звуки барабана и сквозь строй гонит Татарина, и воинский начальник велит больной бить. (Очень бы хорошо)» (18 июня). Благодаря зачеркнутому Толстым началу фамилии «красавицы» редактору удалось собрать материал, подтверждающий автобиографичность этого рассказа. Варенька Б. из «После бала», как выяснено, и в жизни была «Варенькой», и вместе с 16-летним студентом Толстым веселилась в Казани на балах и на представлениях живых картин.

Толстой всегда очень много читал, в частности изыскивал и прочитывал целые полки источников для своих работ. Живя в Москве, он широко пользовался библиотекой Румянцевского Музея. Кроме того массу книг и журналов он получал от авторов, редакций и издателей. Тем не менее в записях своих Толстой упоминает сравнительно мало о своем чтении. В 1900—1903 гг. он дает отзывы об отдельных рассказах Чехова, Вересаева, Л. Андреева, Скитальца. Цитирует по одной, по две строки Пушкина, Тютчева, Фета, эпиграмму Лессинга. Из иностранных писателей касается еще Гюго («Postscriptum de ma vie»), Франса («Opinions socialistes»), Эллиота, Поленца, Ницше («Совсем сумасшедший, прямо, не метафорически»). Из философ-

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОРТРЕТОВ Л. Н. ТОЛСТОГО
Из иллюстраций к 58 тому академического издания Толстого

ских сочинений, кроме «китайских классиков», в английском переводе Legge, он читает Шопенгауэра, Вундта, Макса Мюллера, Торо и др. Евангелие читает по-голландски. Еще дает отзывы о сочинениях Мечникова, Чичерина и др. Сильнейшее впечатление произвели на Толстого журнальные статьи и книга Дюбуа-Дессоля с разоблачениями жестоких условий заключения во французских дисциплинарных батальонах. Толстой плакал, рассматривая иллюстрации к этим статьям. Из напечатанной в американском журнале статьи Дж. Бернштейна об отношении Толстого к социализму выписаны в записную книжку эпитафии к этой статье из Маркса (знаменитые слова о сознании и бытии) и Зангвилья. Читал Толстой и «конфиденциальную записку» Витте, напечатанную Струве в Штутгарте.

Ряд мыслей Толстого несомненно вызван чтением. В комментарии по возможности раскрываются источники мыслей. Так установлено, что записанный 20 сентября 1902 г. мысль об отношении социалистов к трестам вызвана чтением речей Жореса. Французское *mot*, приведенное Толстым в мысли без указания источника, оказалось принадлежащим Жорж Санд и выяснилось, что оно заимствовано Толстым у Шопенгауэра.

В связи с чтением последнего Толстой высказался о том значении, какое сам придает своему дневнику: «Думал о том, что Шопенгауэра *Parerga et Prolegomena* гораздо сильнее его систематического изложения. Мне не надо (да и некогда), главное не надо писать систему. Из того, что я здесь записываю, выяснится мой взгляд на мир, и если он нужен кому, то им и воспользуются» (19 декабря 1900 г.). Есть ценная запись о напечатанных им художественных произведениях: «Прошел мимо лавочки книг и вижу Крейцерову Сонату. И вспомнил: и Крейцерову [Сонату], и Власть! Тьмы, и даже Воскресенье, я писал без всякой думы о проповеди людям, о пользе, и между тем это, особенно К[рейцера] [Соната], много принесло пользы. Не то ли и с Труппом?» (Там же). Щедрой рукой рассыпаны в дневнике и других записях наблюдения художника. «Подошел к ломовым извозчикам и стал против головы молодого, добродушного, сильного, косматого, вороного жеребца и понял его характер и полюбил его» (6 апреля 1900 г.). Много чисто психологических наблюдений над различными типами и характерами. Немало мыслей об искусстве, ряд записей об искании новых художественных форм и приемов, наброски, штришки к художественным произведениям и к статьям, особенно к воззваниям. Записано несколько связанных с творческой работой мозга снов и около шестидесяти различных замыслов. Много высказываний о науке и философских направлениях, критика материализма, дарвинизма, ницшеанства, о «безнравственности

врачебной науки». Резкие замечания о государстве, о царях. Ряд записей о преступности богатых классов. В записной книжке афоризм: «Нельзя радоваться рождению детей сословий богатых—разводят [ся] дармоседы». В дневнике: «Мы, богатые классы, разоряем рабочих, держим их в грубом непрестанном труде, пользуясь досугом и роскошью. Мы не даем им, задавленным трудом, возможности произвести духовный цвет и плод жизни: ни поэзии, ни науки, ни религии. Мы все это беремся давать им и даем ложную поэзию—«Зачем умчался на гибельный Капказ» и т. п., науку—юриспруденцию, дарвинизм, философию, историю царей, религию—церковную веру. Какой ужасный грех. Если бы только мы не высасывали их до дна, они бы проявили и поэзию, и науку, и учение о жизни» (23 ноября 1900 г.). По поводу речи Сергея Булгакова в Обществе сельского хозяйства, о которой тут же дается резкий отзыв, Толстой пишет: «Мы все хотим помогать народу; а мы—нищие, которых он кормит, одевает. Что могут дать нищие богатым? Это надо понять раз навсегда, и тогда исправится наше отношение к народу. Только посторонитесь вы, пристающие к нему нищие, не мешайте ему, как нищие в Италии, и он все сделает, и не те глупости, которые вы предлагаете ему, а то, о чем вы и понятия не имеете» (19 марта 1901 г.). Много разумеется мыслей направлено против церковного христианства, против православия.

Непрестанно затрагивает Толстой и вопрос об отношениях между полами, немало ядовитых суждений о женщинах, много замечаний о детях и воспитании их. Значительное, естественно, количество раздумий о смерти, об отношении к ней. Этим не исчерпывается конечно богатая тематика толстовского дневника. И широчайший диапазон знаний и интересов Толстого заставляет редакторов его записей при комментировании их обращаться в самые различные отрасли науки, до ориенталистики и невропатологии включительно.

В записных книжках Толстого много заметок о делах, по которым он хлопотал. Тут и пенсионные, и поиски работы, и получение страховки погорельцам, и хлопоты о заграничном паспорте и пр.—все дела крестьян, рабочих, учащихся. Волнуется и негодует Толстой в связи с судебным делом знакомого крестьянина Агеева (ссылка в Сибирь) и с административным преследованием крестьянина-писателя М. П. Новикова. Суд над одним из арест другого он относит к «важным» событиям и принимает деятельное участие в хлопотах о них. О посетителях своих Толстой записывает случайно, иногда отмечает незначительных и совсем не упоминает о некоторых выдающихся, например о Брайане, о Короленко. Из пользующихся известностью упоминает Меньшикова, Вл. И. Немировича-Данченко, Горького, Чехова, Александра Добролюбова, Сулержицкого, Стасова и др. Отмечает при-

езды ходоков от молокан, бежавшего из якутской ссылки сектанта, «священника, вследствие неверия намеревающегося уйти», пробывшего 15 лет в ссылке вождя духовоборов Веригина. Из иностранцев упоминает Леона Буржуа, Поля Буайе, американца-переводчика Куртина, венгерских криминалистов и еще некоторых. Отмечает посещения студентами («просили денег») и «социалистами из Туль». Их фамилий Толстой вероятно не знал, а может быть не назвал из конспирации, как и имен беглеца из ссылки и священника.

Одно время Толстой записывал приход и расход сумм, употреблявшихся на помощь ссыльным и заключенным. Есть в дневнике и записных книжках чертежи, а в книжках и рисунки писателя. Они воспроизводятся факсимильно.

Комментарий к тексту Толстого состоит из подробного описания рукописей, хронологической канвы «Толстой в 1900—1903 гг.», около 1200 примечаний (15 печ. листов петита), указателей. Том заканчивается версткой.

К. Шохор-Троцкий

ТОМ 58-й. ДНЕВНИКИ И ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ 1910 г.

Недавно вышел в свет 58-й том (ред. Н. С. Родионов). Том этот представляет особый интерес в биографическом отношении, так как содержание его — еще неопубликованные дневники и записные книжки Толстого за 1910 год, последний год его жизни.

Собственноручные записи в дневнике Толстого проливают яркий свет на те действительные причины и непосредственные поводы, которые заставили его осуществить давно задуманное намерение уйти из дома — шаг, оказавшийся для него роковым.

Текст Толстого в 58-м томе распадается на три части: Дневник, «Дневник для одного себя» (маленький или интимный дневник) и Записные книжки.

Дневник начинается записью 2 января, ведется почти ежедневно на протяжении всех 10 месяцев 1910 г. и кончается записью 3 ноября в Астапове, за три с половиной дня до смерти. Последними словами, написанными А. Н. Толстым уже слабеющей рукой, были:

«Вот и план мой. Fais ce que doit, adv[ienne]... И все на благо, а главное мне» (fais ce que doit, advienne que pourra — делай, что должно, будь, что будет — французская поговорка, которую Толстой часто повторял).

В дневник Толстой вводит записи, касающиеся разных фактов его повседневной жизни и вопросов, обративших его внимание за истекший день. Отмечаются им в дневниковых записях: многочисленные посещения его разными лицами, искавшими личного с ним общения, разговоры, прочитанные книги и впечатления от них, письма, получаемые со всех сторон мира, и ответы на них, отношение его к семейным, его почти ежедневные верховые поездки, прекратившиеся лишь 27 октября — за несколько часов до ухода, и наконец мысли, которые Толстой первоначально записывал в записные книжки и оттуда уже переносил их в дневник, в большинстве случаев собственноручно. Мысли, которые занимали Толстого на всем протяже-

нии последнего года его жизни, для удобства читателей сведены в 58-м томе вместе путем ссылочных примечаний. Таковы мысли: о все растущем и наконец ставшем непреодолимым самосознании незаконности своего привилегированного положения по отношению ко всему трудящемуся классу людей; мысли о любви, о жизни, о смерти, о самоубийстве, о сумасшествии, о цивилизации и многие другие.

В дневнике 1910 г. Толстым записано немало замыслов новых художественных произведений. Список этих художественных сюжетов, которые он не успел осуществить, помещены в конце тома. Приведем один из примеров таких записей: 2 октября 1910 г. Лев Николаевич пишет в дневнике:

«Ничего не записал, но ночью очень хорошо, ясно думал о том, как могло бы быть хорошо художественное изображение всей пошлости жизни богатых и чиновничьих классов и крестьянских рабочих и среди тех и других хоть по одному духовно живому человеку. Можно бы женщину и мужчину. О, как хорошо могло бы быть. И как это влечет меня к себе. Какая могла бы быть великая вещь. И вот именно, задумываю без всякой мысли о последствиях, как и должно быть в каждом настоящем деле, а также и в настоящем художественном. О, как могло бы быть хорошо!»

Кроме большого дневника, Толстой, начиная с 29 июля, вел еще «Маленький дневник», или «Дневник для одного себя», который никому не давал читать. В этот «Маленький дневник» он заносил мысли, касающиеся его семейной трагедии: разлад с женой С. А. Толстой, который создал совершенно невозможные условия для его дальнейшей жизни в привычной ясной обстановке и явился непосредственным поводом его ухода. Записи в этом интимном дневнике, впервые публикуемые, проливают яркий свет на душевное состояние Толстого в последние месяцы его жизни и являются самыми достоверными данными, объясняющими причины его ухода. По записям этим видно, как

постепенно росло и крепло намерение Толстого покинуть свой дом и тем самым: с одной стороны, прекратить мучительный разлад в своей семейной жизни и с другой стороны, наконец порвать с теми условиями своей барской жизни, которые мучили его на протяжении всей его долгой жизни.

Третья часть текста Толстого, помещенного в 58-м томе: записные книжки 1910 г. (5 печатных листов). В свои записные книжки, находившиеся всегда под рукой, Толстой заносил: приходившие ему в голову мысли по разным вопросам, наблюдения над народной жизнью, подмеченные им слова и выражения, в них же иногда записывал наброски писем и произведений—художественных, философских и публицистических. Так осенью 1910 г. он набрасывает в записной книжке неизвестный до сих пор вариант своей комедии «От ней все качества», вариант рассказа «Нечаянно», Очерки характеров, которые должны были войти в задуманную им большую работу под заглавием «Всем равно». Там же мы находим целую сказку, которая никому никогда не была известна: «Сказку о молодом царе, ушедшем в работники».

Вся основная текстовая часть 58-го тома (15 листов), подобно прочим томам серии дневников и писем, снабжена обширным реальным комментарием (около 30 листов). Всего написано 1946 примечаний, относящихся ко всем встречающимся в тексте Толстого записям о лицах, местах, разных событиях общественной, литературной и личной жизни и пр.

В примечаниях наряду с уже ранее опубликованными материалами: воспоминаниями, сборниками писем, биографиями, различными газетами 1910 г. и пр.—широко использованы материалы, никогда до сих пор не бывшие в печати. Эти материалы, в которых записано много высказанных им устно слов и суждений, освещают перед читателями всю жизнь Толстого в последние месяцы его жизни, его страдания и душевную драму, заставившую наконец предпринять роковой шаг—уход. Материалы эти являются также источниками для дальнейшего научного изучения жизни и творчества Толстого.

Таковыми новыми, впервые публикуемыми материалами, использованными в комментариях, являются: «Ежедневник С. А. Толстой» 1910 г.; ее большой дневник за тот же год, «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого—врача и друга Льва Николаевича, безотлучно находившегося при нем вплоть до его смерти и изо дня в день записывавшего все, что имело отношение к Толстому; записки В. М. Феокритовой, жившей в Ясной Поляне и сопутствовавшей А. Л. Толстому, уехавшую к отцу после его ухода; воспоминания старшего сына писателя, Сергея Львовича Толстого. Кроме того в томе 58-м широко использована неопубликованная переписка Толстого с разными лицами, в частности с его ближайшим другом В. Г. Чертковым, которому он оставил для опубликования после смерти все свое литературное наследие.

Н. Родионов

ТОМ 63-й. ПИСЬМА 1880—1886 гг.

Содержание 63-го тома (ред. М. А. Цявловский и В. С. Мишин) составляют письма за 1880—1886 гг. Всего входят двести восемьдесят одно письмо, которые хронологически распределяются следующим образом. За 1880 г.—29 писем; за 1881 г.—29; за 1882 г.—17; за 1883 г.—15; за 1884 г.—40; за 1885 г.—68 и за 1886 г.—83. Сто шесть из них печатаются впервые; восемь, опубликованные ранее в отрывках, впервые печатаются полностью. Двести ссманадцать писем печатаются по подлинникам, шестьдесят три по машинописным и рукописным копиям и печатным оттискам и одно (телеграмма) по телеграфному бланку. В конце тома приложен список пятидесяти писем, текст которых не дошел до редакции, с указанием данных, говорящих за то, что они были написаны.

Письма к С. А. Толстой и В. Г. Черткову выделены в особую серию. В данном томе включены в общую нумерацию писем лишь указания даты каждого письма к ним с ссылкой на соответствующий том. Общее количество писем за этот период 328 (203 к С. А. Толстой и 125 к В. Г. Черткову).

Таким образом за 1880—1886 гг. по име-

ющимся у нас данным Толстым было написано 659 писем. Однако это далеко не полная цифра всех написанных Толстым писем за эти годы. Давность времени писания писем и смерть большинства адресатов Толстого того времени послужили серьезным препятствием при собирании писем. И можно думать, что со временем как в государственных, так и в частных архивах обнаружится еще ряд писем нам неизвестных.

Письма Толстого за 1880—1886 гг. в основном носят характер длительной переписки с известным кругом знакомых ему лиц и лишь в небольшом количестве являются ответами на письма его случайных корреспондентов. Нужно отметить, что переписка Толстого со многими корреспондентами того времени возникла в более ранние годы и здесь является лишь продолжением ее; с другими же лицами переписка впервые возникает за этот период. К первым нужно отнести гр. А. А. Толстую—камер-фрейлину, двоюродную тетку Толстого (многие письма к ней публикуются впервые); поэта А. А. Фета (многие письма к нему публикуются впервые); Н. Н. Стрехова—критика и философа (некоторые пись-

(1.)

[illegible]

Из иллюстраций к 63 тому академического издания Толстого

ма к нему публикуются впервые); В. В. Стасова — художественного и музыкального критика и др. Из вторых следует назвать бывшего народника и учителя детей Толстых В. И. Алексеева, бывшего каракозовца и одно время управляющего самарским имением Толстых, А. А. Бибикова (письма к нему публикуются впервые), учителя, автора этюда о Толстом М. С. Громскому (письма к нему публикуются впервые), художника Н. Н. Ге, тульского вице-губернатора кн. А. Д. Урусова, члена харьковского окружного суда Г. А. Русанова, биографа Толстого П. И. Бирюкова, писателя и издателя журнала «Русское Богатство» Л. Е. Оболенского (некоторые письма к нему публикуются впервые), писательницу А. М. Калмыкову (письма к ней публикуются впервые), известного богача и филантропа, бывш. издателя газеты «Слово» К. М. Сибирякова, крестьянина Т. М. Бондарева и др.

Значительную долю в томе занимают письма Толстого к родственникам. Среди них письма к брату гр. С. Н. Толстому (публикуются впервые), к детям: Т. Л., С. Л., А. Л. и И. Л. Толстым (многие из них публикуются впервые).

Кроме того особо следует отметить письма к русским писателям и публицистам: к И. С. Тургеневу, М. Е. Салтыкову-Щедрину, А. Н. Островскому, А. И. Эртелю, К. Д. Кавелину (к нему публикуется впервые), А. Н. Пышину, М. М. Стасюлевичу, М. А. Энгельгардту, Ф. Ф. Тищенко и др.; здесь же печатается письмо и к художнику И. Е. Репину.

Нельзя также не указать на письма к императору Александру III и к К. П. Победоносцеву, вызванные событием 1 марта 1881 г.

Названные фамилии далеко не исчерпывают всех корреспондентов Толстого того времени. Перечисление их читатель найдет в алфавитном указателе, помещенном в конце тома. Нашей же задачей было дать некоторое приблизительное понятие о том круге лиц, с которыми Толстой вел переписку в те годы.

Все письма Толстого, входящие в этот том, подробно комментированы как с текстологической, так и с фактической стороны. Для этой цели была изучена и использована по возможности полно историческая и мемуарная литература того времени, а равно и архивные материалы (неизданные воспоминания, эпистолярные документы, судебные дела и др.), в большинстве своем до сих пор неизвестные.

Судя по сохранившимся подлинникам, письма Толстого того времени, как и более ранние, писались им собственноручно, за исключением двух-трех писем, написанных Т. Л. Сухотиной с подписью Толстого. В этом их отличие от позднейших, в подавляющем большинстве написанных на машинке и лишь подписанных Толстым. Письма, кроме четырех, Толстым не датированы. Исключительную трудность работы

составляло выяснение даты письма. Кой-верты с почтовыми штемпелями и письм адресатов, на которые отвечал Толстой обыкновенно дающие основание к датировке письма, в большинстве отсутствуют. Публикуемые раньше письма, как правило, имели или же очень приблизительную дату, или же явно ошибочную. Так что все письма пришлось датировать заново. Для обоснования даты помимо дневников и записных книжек Толстого было широко использовано мемуарное наследие лиц, его окружавших. Также принимались во внимание и текстологическая особенность писания Толстого, а равно и общий характер содержания и приемы письма Толстого того периода. Все эти соображения даются в первом вступительном примечании к письму, и читателю нетрудно решить, насколько они убедительны, или же шатки.

Содержание писем чрезвычайно характерно для Толстого того времени. Периодомки его общественно-политических, моральных и религиозных взглядов, искания новых путей и созидание их взамен пережитых и отброшенных им, период писания «Исповеди», «Критики догматического богословия», «В чем моя вера», «Так что ж нам делать?» и др. не мог не отразиться и в его письмах. Почти впервые Толстой выступает здесь на защиту своих взглядов и полемизирует со своими корреспондентами со всей присущей ему страстностью.

Вновь найденные и публикуемые в данном томе такие письма Толстого к гр. А. А. Толстой, к Н. Н. Страхову, к А. А. Фету чрезвычайно показательны в этом отношении.

Однако религиозно-философская сторона далеко не исчерпывает всего содержания писем Толстого. Если первые годы того периода характерны небольшим кругом корреспондентов Толстого, преимущественно из близких ему лиц, то позднее круг этих лиц расширяется, а с ним и корреспонденция и содержание ее. Необыкновенная интеллектуальная интенсивность охватывает сразу многие стороны жизни Толстого и помогает произвести немедленно переоценку ценностей. Толстой живо реагирует на все явления жизни, освещая их с новой, для него несомненно истинной точки зрения. Частыми мотивами в его письмах того времени являются вопросы о насилии, о сопротивлении злу злом, о науке и т. п. (большие письма к М. А. Энгельгардту, В. М. Грибовскому, П. И. Бирюкову и др.).

Большую долю внимания посвящает он и литературной деятельности. Эта область особенно полно отражается в его письмах. Письма к П. И. Бирюкову, А. М. Калмыковой, Л. Е. Оболенскому, К. М. Сибирякову, М. Е. Салтыкову-Щедрину и др. касаются преимущественно народного издательства «Посредник» и предполагавшегося в 1885 г. и неосуществленного «Народного журнала». Материалы, относящиеся

к этой стороне, дающиеся в комментариях, в большинстве публикуются впервые.

Интерес Толстого к художественной литературе с развитием его религиозно-философской деятельности не ослабевает, а лишь меняет направление. Толстой пишет ряд народных рассказов, легенд, повестей («Чем люди живы», «Где любовь, там и бог», «Упустишь огонь — не погасишь», «Смерть Ивана Ильича» и др.); переделывает, собирает все, что могло бы дать пищу для читателя из народа. Письма Толстого 1884—1886 гг. пестрят указаниями на его работу в этой области и в этом отношении дают богатый материал не только для биографа, но и для исследователя и историка творчества Толстого.

Однако, говоря о содержании писем Толстого данного тома, не следует ограничиваться указанием лишь на отвлеченные, принципиальные темы, затрагиваемые Толстым. Толстой также живо интересуется и вопросами практического характера, повседневной жизни и быта (письма к Н. М. Нагорнову, гр. С. Н. Толстому, Н. Н. Ге — отцу и сыну — и др.). Как на одну из важнейших и интереснейших сторон содержания его писем, являющуюся непременной составной частью содержания и всей последующей его переписки, следует указать еще на его хлопоты перед «властями» по просьбе обращавшихся к нему за помощью лиц. Обыкновенно это были или крестьяне, забитые нуждой и притесняемые соседними помещиками, или же родственники сосланных, заключенных и пр., преимущественно революционеров. В письмах Толстого того времени проходят (не говоря уже об участниках события 1 марта 1881 г.) небезызвестные фамилии революционеров, как то: Н. А. Армфельдт, А. А. Тихоцкий, Л. А. Дмоховский и др. Толстой использовал в таких случаях близких ему лиц, имевших влияние среди правящих кругов. Таковыми были гр. А. А. Толстая, Г. А. Русанов, Н. В. Давыдов и др. Архивные документы дали ряд интересных штрихов к выяснению вопроса об отношении «властей» к Толстому и о влиянии, оказываемом Толстым на тот или иной исход дела в таких случаях. Все эти данные, помещенные в комментариях к письмам, печатаются впервые.

Л. Н. ТОЛСТОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Рисунок Л. О. Пастернака, 1899 г.

Из иллюстраций к 72 тому академического издания Толстого

Таким образом письма Толстого 1880—1886 гг. по своему разнообразию и остроте затрагиваемых вопросов должны занять одно из видных мест в цепи его многолетней переписки. Они интересны уже и потому, что являются отражением одного из важнейших периодов жизни Толстого.

В заключение следует еще добавить, что переписка Толстого того времени дала направление и всей последующей его переписке, ставшей необходимым условием жизни и творчества Толстого. Перед редактором стояла задача как можно полнее осветить эту эпоху и круг лиц, связанных с Толстым в этот период его жизни. Эту цель и преследовали обширные комментарии к данному тому.

В. Мишин

ТОМ 72-й. ПИСЬМА 1899—1900 гг.

Недавно вышедший том 72-й (ред. В. А. Жданов) включает письма Толстого за 1899—1900 гг. За эти два года Толстой написал 467 писем. Из них 101 письмо (к жене и к В. Г. Черткову) вошло в другие тома, а в этом томе напечатано 366 писем, из которых 242 опубликовано впервые. На иностранных языках (английском, немецком, французском) написано 47 писем. Размер тома—40 печатных листов. Центральное место в переписке этих лет занимают письма по поводу романа «Воскре-

сенье», о духоборах, а также об оказании помощи голодающим в Поволжье.

Появление в свет «Воскресенья» было мировым событием. Одновременно печаталось оно в «Ниве» и за границей (по-русски, в переводах). Обширна деловая переписка с А. Ф. Марксом, по этому поводу, с заграничными издателями. Было много недоразумений, крайне угнетавших Толстого. Так например, Маркс грозил судом тем издателям, которые перепечатавали только что опубликованные в «Ниве» новые

главы, и Толстой был вынужден письмом в редакции газет просить этих издателей воздержаться от перепечаток и тем избавить его от «неприятного положения», так как право первой публикации романа в России было продано Марксу с целью получения денег для переселившихся в Канаду духоборов. Были осложнения и за границей. Вопреки договору Маркс тайно продал роман одному немецкому издателю, который стал печатать его по гранкам русского журнала в искаженном цензурой виде, в то время как право на организацию иностранных публикаций Толстой всецело передал В. Г. Черткову. Вновь через газеты Толстому пришлось сглаживать возникшие конфликты. Таких писем несколько. В одном из них Толстой лишил своей авторизации публикацию перевода в американском журнале «Cosmopolitan», который в угоду буржуазной морали допустил грубые искажения текста: находя непристойной сцену соблазна Катюши, он изменил ее, сочинив новую обстановку всего эпизода. Другое американское издательство признавалось, что откровенное описание этого эпизода с Катюшей может привести к судебному процессу, и просило разрешения несколько сгладить текст. Вообще в томе есть много новых очень ценных и интересных материалов, касающихся истории публикации «Воскресенья». Есть и отклики читателей.

По поводу голода 1899 г. Толстой вел переписку с А. С. Пругавиным и другими лицами, принимавшими участие в помощи пострадавшим. В комментарии даны исчерпывающие материалы по этому поводу. О делах духоборов Толстой писал им непосредственно, писал и тем, которые помогали переезду духоборов в Канаду, хлопотали о сосланных в Якутскую область. О них же Толстой писал Николаю II, убеждая его проткнуть от себя «этого злого и безумного старика Победоносцева, который компрометирует его и перед русским народом и перед Европой и перед историей».

Еще два крупных события нашли отражение в переписке: Гаагская мирная конференция и Трансваальская война. По поводу конференции он написал длинное письмо группе представителей шведской интеллигенции. Он предсказывал провал конференции, которая свое лицемерие и беспомощность будет прикрывать пацифистскими фразами. «Для того чтобы уничтожить войска и зло, происходящее от них, нужны не конференции правительства, а конференции граждан, обманутых и обманываемых самым коварным образом именно такими конференциями», писал он в этом письме. А в письме к кн. Г. М. Волконскому Толстой определил свое отношение к Англо-бурской войне. Причины войны в неравном распределении имущества, в существовании военного сословия и ложном религиозном учении. «Чемберлены и Виль-

гельмы суть слепые орудия сил, лежащих далеко позади них».

В письмах к А. Ф. Кони, А. М. Кузминскому Толстой обращался по делам преследовавшихся сектантов и других лиц, терпевших гонения со стороны царского правительства. Среди них большинство лично Толстому неизвестных.

Из переписки так сказать частной наибольший интерес представляют письма к детям, переписка с самобытным сектантом Власовым, неграмотное письмо которого послужило материалом для создания образа старика, встретившегося Нехлюдову в Сибири на пароме, переписка с девушкой Толстой (однофамилицей), просившей дать ей место и тем избавить от ужасной работы таперши в публичном доме, переписка со Стасовым, Григоровичем.

Тон писем к детям резко различен: задушевность в обращениях к Марии Львовне («все твои письма читаю с умилением нежности к тебе»), сухость, сдержанность в письмах к сыну Льву, в то время печатно выступавшему с полемикой против отца. Большой психологический интерес имеют письма к дочери Татьяне по поводу ее замужества. Григоровичу, Стасову, своим почти сверстникам, Толстой пытался внушить радость приближения смерти, сознание о которой «возносит в такую область мысли, где полная свобода и радость», но его корреспонденты в этом кардинальном вопросе стояли на совершенно противоположной точке зрения. Умиривший Григорович в письме к третьему лицу по поводу слов Толстого раздраженно писал, что к этому «новому назначению» у него «нет никакого желания». А Стасов, потрясенный смертью близкой родственницы, со свойственной ему экспансивностью отвечал Толстому: «Ах, нет, нет, я руками и ногами толкаю от себя прочь этот будущий ужас, я проклинаю его всеми силами души и, если бы это было какое-то осязаемое живое существо, как бы я всеми зубами и когтями вцепился бы и стал бы биться и сражаться, как буры против варварского нашествия проклятых англичан». В переписке с Стасовым затронуто еще много других вопросов.

В этом же томе напечатано письмо к Максиму Горькому (в комментарии подробно рассказано об их взаимоотношениях, дана библиография). После личного знакомства с Горьким Толстой писал ему: «Мне ваше писание понравилось, а вас я нашел лучше вашего писания. Вот какой дала вам комплимент достоинство которого, главное, в том, что он искренен».

По вопросам, связанным непосредственно с мировоззрением Толстого, он вел переписку со своими единомышленниками и с лицами ему неизвестными. Последние письма и обширнее и обстоятельнее. Сектанту Заволокину, находившемуся в «религиозном розыске», он ответил тремя длинными письмами, тотчас же напечатанными в виде статьи под названием «О вере, разуме и молитве. Три письма». Только что

окончившая гимназию двадцатилетняя девица, «существо никому неизвестное, всеми презираемое и глупое до бесконечности», робко спрашивала, в чем смысл жизни. «Физически и душевно страдающая и вполне одинокая женщина» умоляла ответить, может ли она убить себя («мое право на Ваше участие—только и есть, что мое страдание»). Студент-репетитор просил совета, как преподавать закон божий детям, американский студент, получивший миллионное наследство, спрашивал, как поступить с деньгами (он предпочел бы их не брать). Престарелый философ-неудачник через Толстого хлопотал об издании своего многолетнего труда: «Государственно сообщественская жизненность. Очерк популярный сквозь призму социологии: наука устройства Человеческого Счастливого сообществия. Человечника века XX». Всем этим и многим другим лицам Толстой подробно отвечал, развивая в письмах основы своего мировоззрения.

В приложении к тому даны два списка.

ТОМА 83-й и 84-й.

Согласно плану издания выпускаемого ГИХЛом девяностопяти томного собрания сочинений Толстого, из массы писем Толстого к своим корреспондентам, публикуемых в хронологическом порядке, выделены две серии: писем Толстого к жене и к В. Г. Черткову. Письма Льва Николаевича к Софье Андреевне Толстой составляют два тома (83 и 84) полного собрания сочинений, при чем первый том охватывает переписку с 1862 по 1886 г. включительно; во втором томе мы имеем письма с 1887 по 1910 г. В настоящем обзоре речь идет о первом томе этих писем, вполне готовом к печати и находящемся в портфеле издательства с лета 1933 г. Том заключает 366 писем и телеграмм на имя Софьи Андреевны. Из них впервые публикуется 33 письма и 32 телеграммы. Письма печатаются по автографам, в огромной своей части хранящимся в «Кабинете Толстого» при Публичной Библиотеке Союза ССР им. Ленина; значительная часть автографов в настоящее время находится в Толстовском Музее в Москве; подлинник лишь одного из публикуемых писем не сохранился вовсе. Впервые отдельной книгой письма Толстого к С. А. Толстой были опубликованы последний в 1913 г. под редакцией А. Е. Грузинского. Книга эта была повторена вторым изданием в 1915 г. Интерес публикуемого ныне эпистолярного материала для истории творчества и жизни Толстого не исчерпывается тем, что заново публикуется 65 неизвестных документов; прежнее издание было во многих отношениях дефектно, давая часто неисправные тексты писем с ошибочной датировкой их и не облегчая понимания содержания писем надлежащими аннота-

циями; в изданиях 1913—1915 гг. комментарий самый скудный. Наконец в первом издании письма Толстого были даны совершенно изолированно, голоса корреспондента—С. А. Толстой—не слышно вовсе. В подготовленном ныне к печати томе всякое лицо, событие, название, как правило, вскрывается и разъясняется; лица, постоянно упоминаемые, выявляются в их живых характеристиках (извлеченных из архивных или печатных источников), С. А. Толстая представлена в ее репликах на затрагиваемые Толстым темы в виде выдержек из ее встречных писем. В этом отношении по официальной инструкции, регулирующей редакторскую работу издания Толстого, комментарии к письмам на имя Толстой (равно и Черткова) по норме превышают объем комментария к прочим корреспондентам Толстого.

Письма Толстого к жене отличаются исключительной насыщенностью содержания; это разумеется понятно, поскольку Толстого и Софью Андреевну за время их совместной 48-летней жизни связывали тысячи нитей. Помимо этого та исключительная близость, которая была между Львом Николаевичем и его женой, особенно в 60-х и 70-х годах, побуждала его во время отлучек из дома писать С. А. подробнейшие записи о всех встречах и событиях; в этом отношении письма Толстого к жене за это время заменяют подчас дневник, который Толстым не велся с 1855 г. до конца 70-х годов. Так в одном письме Толстой прямо пишет Софье Андреевне: «Продолжаю тебе свой дневник» (письмо от 9 июля 1872 г.). При том исключительном разнообразии встреч и разговоров, которые имел Толстой при своих поездках,

В. Жданов

ПИСЬМА К ЖЕНЕ

циями; в изданиях 1913—1915 гг. комментарий самый скудный. Наконец в первом издании письма Толстого были даны совершенно изолированно, голоса корреспондента—С. А. Толстой—не слышно вовсе. В подготовленном ныне к печати томе всякое лицо, событие, название, как правило, вскрывается и разъясняется; лица, постоянно упоминаемые, выявляются в их живых характеристиках (извлеченных из архивных или печатных источников), С. А. Толстая представлена в ее репликах на затрагиваемые Толстым темы в виде выдержек из ее встречных писем. В этом отношении по официальной инструкции, регулирующей редакторскую работу издания Толстого, комментарии к письмам на имя Толстой (равно и Черткова) по норме превышают объем комментария к прочим корреспондентам Толстого.

Письма Толстого к жене отличаются исключительной насыщенностью содержания; это разумеется понятно, поскольку Толстого и Софью Андреевну за время их совместной 48-летней жизни связывали тысячи нитей. Помимо этого та исключительная близость, которая была между Львом Николаевичем и его женой, особенно в 60-х и 70-х годах, побуждала его во время отлучек из дома писать С. А. подробнейшие записи о всех встречах и событиях; в этом отношении письма Толстого к жене за это время заменяют подчас дневник, который Толстым не велся с 1855 г. до конца 70-х годов. Так в одном письме Толстой прямо пишет Софье Андреевне: «Продолжаю тебе свой дневник» (письмо от 9 июля 1872 г.). При том исключительном разнообразии встреч и разговоров, которые имел Толстой при своих поездках,

ценно каждое его упоминание того или иного лица, ибо часто такого рода общение имело идеологическое и творческое значение для Толстого. В письме от 18 января 1869 г., в разгар окончания «Войны и мира», Толстой писал: «Ты не можешь себе представить, как мало времени, когда есть дела, как мои, такие, как переговорить с Самариним, с Юркевичем—дела, которые требуют сосредоточенного внимания». В прежней публикации письма вместо «Юркевичем» ошибочно было напечатано «Юрьевым». Общение Льва Николаевича с С. А. Юрьевым известно в толстоведении; что же касается философа П. Д. Юркевича, то о связи с ним Толстого в печати доныне ничего неизвестно, между тем связь эта симптоматична и имела непосредственное отношение к писательству Толстого, поскольку в то время Толстой работал как раз над философской частью «Войны и мира». (Из ненапечатанного письма С. С. Урусова к Толстому мы узнаем, что Толстой давал Юркевичу читать корректуру последней части «Войны и мира».) Таким образом всё ускользнувшее при первой небрежной публикации бросает нам новый неожиданный свет. Особо стоит проблема датировки; необходимо подчеркнуть, что неверно помещенное письмо с ложной датой, хотя бы с вполне корректно воспроизведенным текстом, служит не в помощь, а в затемнение анализа жизни писателя и может породить целый ряд неверных умозаключений. Во многих основных датах жизни Толстого мы до сих пор натакаиваемся на недоумения; так посещение Толстым Бородинского поля, превратившееся вписание пятого тома (по первому изданию) «Войны и мира», было отнесено Бюрюковым к 1865 г., Грузинским в издании писем Толстого к жене—к 1866 г. (в виду неверного указания в воспоминаниях С. А. Берса; эту ошибочную дату мы также находим в «Канве жизни Толстого» В. Срезневского, Л., 1928 г.)—на основании телеграфного бланка от 28 сентября 1867 г. и сохранившегося конверта со штемпелом мы теперь застрахованы против всякого колебания в отнесении писем о посещении Бородина к сентябрю 1867 г. Датировка писем Толстого за 60-е и 70-е годы оказалась весьма сложной задачей. Конвертов за это время почти не сохранилось, сам Толстой обычно не проставлял даты, а если и помечал ее, то часто ошибочно. В этом отношении показателен курьез, что Толстой обозначил одну свою запись под 31-м числом такого месяца, который имеет всего 30 дней. Главной опорой для датировки писем (нами передатировано 167 писем, при чем приходилось иногда делать передвижку на несколько лет, так письмо № 109—по первому изданию № 125—перенесено на семь лет: с 1881 г. на 1874 г.) служили ответные письма С. А. Толстой, обычно точно датированные, и ряд попутных сообщений по содержанию письма вплоть до таких мелочей, как присланная А. Е. Бер-

сом шерсть или обуженное платье Т. А. Толстой, что по связи с другими письмами могло служить хронологическими вехами.

Любопытно то, что штемпели на конвертах далеко не всегда могут гарантировать точность даты—особенно поразителен в этом отношении сохранившийся в архиве Толстого конверт со штемпелем «Чернь 1856, авг. 12» и с адресом «Софии Андреевне Толстой на ст. Ясенки»,—если это сопоставить с фактом, что Толстой женился всего в 1862 г., а в 1856 г. Софье Андреевне было всего 12 лет. Приходится выверять и даты на штемпелях: на основании учета поездок Толстого с проездом через Чернь пришлось заключить, что цифры в печатке для штемпелевания были набраны неверно, и вместо 1856 должно было быть 1866. В виду возможных недоразумений мною при обосновании датировки в комментарии, как правило, применяется развернутая формулировка всех данных для приурочения датированного письма именно к этому числу; встречающаяся часто при редактировании писем формулировка «датируется по содержанию» мною отвергается как несостоятельная по своей неопределенности.

Письма Толстого не распределяются равномерно по годам. Есть год, когда Толстой не написал С. А. Толстой ни одного письма (1873 г.); на 1875 г. падает всего одно письмо. Самый продуктивный год—1885, когда Толстой отправил жене 59 писем и телеграмм. Количество писем Толстого обуславливалось числом и продолжительностью отлучек Льва Николаевича, когда семья жила с ним врозь. Наиболее длительными, а потому и наиболее обильными письмами являлись следующие его поездки: в Москву, в ноябре—декабре 1864 г. в связи с вывихом руки (17 писем и телеграмм); поездка на Каралык Самарской губернии летом 1871 г. (14 писем); отъезд его в Москву в связи с ремонтом вновь купленного дома в сентябре 1882 г. (10 писем); поездка на Самарский хутор в мае—июне 1883 г. (10 писем и телеграмм); поездка 1885 г. с большим кн. Л. Д. Урусовым в Крым (14 писем и телеграмм) и четыре разулки Толстого с семьей, когда он уезжал в Ясную Поляну или продолжал жить там при отъезде С. А. Толстой в Москву (в начале 1884 г., в октябре и декабре 1884 г. и в октябре 1885 г.—по десять, одиннадцать писем и в последнем случае—тринадцать).

В письмах 1864 г. очень ярко представлено времяпрепровождение Толстого в Москве с 23 ноября по 11 декабря. Помимо известных в печати писем, относящихся к этой поездке Толстого, мы смогли присоединить бывшие доселе неизвестными одно письмо и четыре телеграммы. Толстой за этот промежуток времени оперировал руку, был занят хозяйственными закупками и вместе с тем заключал с Катковым условие о первом напечатании начала «Войны и мира» (тогда еще называвшегося

«1805 год»), продолжая работать над дальнейшими главами романа. При комментировании писем удалось выявить все театральные посещения Толстого; поскольку театральные впечатления всегда воздействуют на художественное настроение и строй мыслей писателя, это небезынтересно для жизни Толстого. Он посетил Большой театр («Зора», «Моисей» Россини, «Жизнь за царя» Глинки, «Карл Смелый», «Вильгельм Телль» Россини). В Малом театре он видел: «Шутники» Островского, «Маленькое облачко», «Беззаботная», «Жена за столом, а муж под столом», «Семейные расчеты» Куликовых, «Билет на лотерею», «Прежде скончались, потом повенчались». Несмотря на то, что всего в Москве Толстой пробыл с небольшим двадцать дней, пьесе Островского «Шутники» он посетил дважды.

На 19 марта 1867 г. падает большое неопубликованное письмо о смерти жены близкого друга Толстого Д. А. Дьякова (прототип Нехлюдова). Помимо общего своего содержания письмо примечательно упоминанием Тургенева («Тургенев здесь, ужасно лебезит перед Берсами и завтра назвался к ним обедать»); это упоминание в пору полного разрыва Толстого с Тургеневым, свидетельствующее о продолжавшемся общении семьи С. А. Толстой с Тургеневым, указывает на особую связь Тургенева с Берсами—нам это понятно теперь после недавно ставшего известным факта, что у А. Е. Берса была дочь от Варвары Петровны Тургеневой.

Три ненапечатанных письма второй половины года (от 6 ноября, 9 ноября и 28 декабря) обнаруживают усиленные заботы Толстого о печатании «Войны и мира» (сношения с типографией Риса и Бартенева), устанавливая две неизвестных поездки Толстого в Москву в 1867 г.

Единственное письмо за 1875 г. (неопубликованное) свидетельствует о хлопотах Толстого по печатанию «книг для чтения». В неизвестном письме от начала 1876 г. идет речь о сношениях с Катковым и о том, как Толстой «сдал рукопись и велел принести опять поправить»—повидимому имеется в виду часть «Анны Карениной», опубликованная в № 1 «Русского Вестника» за 1876 г.

Среди писем Толстого, писанных с его самарского хутора в мае и июне 1883 г., правда, не оказалось новых, но анализ уже известных писем выявляет состав того многочисленного общества молодежи, революционеров-семидесятников, к голосам которых так внимательно стал прислушиваться Толстой в эпоху кризиса своего миропонимания. И здесь кроме известного уже революционера Е. Е. Лазарева, судившегося по процессу 193-х, вырастают новые фигуры—сопроцессника Лазарева В. Х. Степанова, ученика Дейча И. М. Гурьяна и П. Н. Метелицыной, одной из первых женщин, работавших на сельскохозяйственной станции Энгельгардта. Бывшая помещица нанялась простой батрачкой на хутор Толстого и

действительно опростилась, работала и спала вместе с другими батраками. Есть свидетельство, что Метелицына, описавшая в очерке «Год в батрачках» свой опыт, произвела сильное впечатление на Толстого.

Из неизвестных писем, далее, выделяются письма, свидетельствующие об интересе Толстого к крестьянской жизни; как известно, Толстой в годы кризиса почувствовал особое отвращение к городской жизни и стал все больше и больше замыкаться в Ясной Поляне. В письме от 30 октября 1884 г. он писал: «Нынче провел очень дурной день и грустный. Не мог заснуть вчера до 2, а проснулся в 7. И потому был слаб и уныл. Прошелся по хозяйству, написал кофе. Пришел старик Степан Кривой; я беседовал с ним. Нужда, нужда мужицкая, нужда в первых потребностях—хлеба, молока, дров и сверх того—подати. Он очень просил передать Титке у Сережи брата, чтобы [он] прислал ему денег 10 р. или, по крайней мере, 5. Он нарубил дров в Засеке, а теперь надо платить. Если не заплатит, его работа пропадет. Если есть зажитые деньги, то напиши мне, я ему дам, а Сережа тебе отдаст. Потом пришел купчик Сергиевский покупать сено. Не купил. Потом я пошел на деревню к Хракову. Состыдно было идти. Я пошел было мимо,—мимо Игната. Смотрю Игнат чистит стол на дворе.—Что это делаешь?—Да вот

ПОСЛЕДНИЙ ПОРТРЕТ Л. Н. ТОЛСТОГО И С. А. ТОЛСТОЙ

Из иллюстраций к 84 тому академического издания Толстого

выгнал старик нас, переходим в другую избу,—а сам плачет. Оказалось, что сго баба подралась со свекровью за кусок вetchины. (Когда выкинешь ближе в жите мужиков и бедняков—главная причина раздора куски, горшки, т. е. еда посяще. Да и у большинства людей, если разоборать—корень еда посяще. Это ужасно!) Мирил я их, но не знаю, помирятся ли».

В связи с новыми своими идеями Толстой начинает прислушиваться к тому, найдут ли его взгляды отклик в семье; эту сторону мы также обнаруживаем в неопубликованных письмах. Так, он писал о сыне Льве 13 декабря 1884 г. «Большое спасибо Льве за письмо. Пускай он не стыдится быть в человеческих отношениях с теми, кто его больше всех любит, т. е. больше, чем кто-либо другой, а стыдится быть рядом и быть столь же более далеким, чем в Новой Зеландии». Толстой ждет разочарование. В письме от 25 ноября 1885 г. он пишет: «У нас все по-старому—не могу сказать хорошо, потому что не могу одобрять и называть хорошим то праздное прожигание жизни, которое вижу в старших. И вижу, что помочь не могу. Они, видя мое неодобрение, от меня удаляются; я, видя их удаление, молчу, хотя и стараюсь при всяком случае говорить. Так говорил 3-го дня миролюбиво с Сереей, но не вышло ничего из нашего разговора». В конце письма Толстой, правда, оговаривается: «Я должно быть не в духе, что так мрачно смотрю на сыновей старших, и потому ты мои слова принимай с ограничениями».

Наиболее интересным письмом из вновь печатаемых писем разбираемого тома является большое (свыше полулиста печатного текста) письмо от декабря 1885 г. Известна первая попытка ухода Толстого из Ясной Поляны в июне 1884 г. Письмо 1885 г., написанное перед отъездом Толстого из Москвы, когда он, расстроенный и взволнованный, уехал в подмосковное имение друзей, чтоб притти в себя, показывает, что мысль эта продолжала преследовать Толстого. Перед отъездом он пишет непереданное письмо С. А. Толстой, в котором он так размышляет о планах будущей жизни: «Выборов есть три: употребить свою власть: отдать состояние тем, кому оно принадлежит—рабочим, отдать кому-нибудь, только избавить малых и молодых от соблазна и погибели; но я сделаю насилия, я вызову злобу, раздражение, вызову те же желания, но не удовлетворения, что еще хуже, 2) уйти из семьи?—но я брошу их совсем одних,—уничтожить мое кажущееся мне недействительным, а может быть действущее, имеющее поддействовать влияние—оставлю жену и себя одиноким и накрошу заповедь, 3) продолжать жить, как жил; забывавшая в себе силы бороться со злом любовно и кротко. Это я и делаю, но не достигаю любовности и кроткости и вдвойне страдаю и от жизни и от раскаяния. Неужели так надо? Так в этих мучительных условиях надо дожить до смерти?»

Что касается двух последних цитированных писем, то психологически понятно, почему они не увидели света раньше: первое не было обнаружено, потому что, с точки зрения С. А. Толстой, оно могло бросить тень на ее детей; второе не могло не восприниматься ею болезненно,—она очень тяжело переживала всякие указания на средостение, которое существовало между ней и Львом Николаевичем. Но таким отбором и кончается то, что зависело от самой Софьи Андреевны. Все остальное, что может вызывать возражения в первом издании, прежде всего дефекты неверной датировки,—дело рук редактора. В этом отношении поразительным документом, свидетельствующим о небрежности редактора, является сохранившаяся в Ясной Поляне наборная рукопись издания (инв. № 2296). В предисловии к первому изданию Грузинский писал: «Подлинные письма Л. Н. не были мне доступны. Они... состоят под заглавием. При таких условиях работа редактора должна была свестись к следующему. В вопросе об установлении точного текста предстояло лишь тщательно сверить изготовленный для типографии список со старыми копиями... в установке дат предстояло главным образом проверить работу Софьи Андреевны». На самом деле наборной рукописью является копия руки Софьи Андреевны, в которой какая бы то ни была правка текста писем отсутствует. Переписанный рукой С. А. Толстой текст писем, долженствовавший подвергнуться редакторской проработке на основании ранее снятых копий и ответных писем Толстой, на самом деле пошел в набор в том виде, как был изготовлен С. А. Толстой. Те минимальные поправки в датах и приписки в аннотациях, которые сделаны рукой редактора, фактически испортили, а не выправили работу Толстой, не претендовавшей на редакторскую обработку. Приведу четыре примера. Письмо № 36 (по первому изданию) было скопировано рукой С. А. Толстой, при чем в конце была переписана дата самого Толстого: 31 июля (1865 г.), эту же дату Толстая поставила впереди письма. Редактор зачеркнул в конце дату Толстого, а в начале стал ее исправлять: сначала из 31 июля сделал 30-е, а июль поправил на июнь, затем все зачеркнул и написал для набора: 1 июля. Другой пример: в письме № 49 Толстая воспроизвела собственноручную дату Толстого: Воскресенье, 14-го. Редактор поправил 14-е на 13-е. В обоих случаях датировки Толстого в выправке не нуждались вовсе. Верно датированная записка, начинающаяся со слов: «Посылаю за тобой лошадей» и помеченная С. А. Толстой 1867 годом, сначала карандашом редактора была неверно передатирована на 1877 г., а затем оказалась отнесенной к концу книги к семи письмам, помещенным без всякой даты (см. № 1, стр. 588). Лишь в двух-трех случаях текст писем оказался переписанным рукой редактора, с перенесением в

другое место рукописи. Так подклеен текст письма № 102, переписанный карандашом рукой редактора с обозначением: «из той же поездки» (1878 г.); эта интересная записка, в которой идет речь о знакомстве Толстого с дочерью декабриста Рылеева, таким образом оказалась отнесенной к концу поездки и приуроченной к Петербургу, между тем как записка эта написана в начале поездки из Тулы, где и состоялось знакомство Толстого с Рылеевой. Это сбило даже такого многоопытного

исследователя жизни Толстого периода написания им незавершенного романа «Декабристы», как М. А. Цвяловский, заставив его предположить, что свидание имело место в Петербурге и что посетил он М. Я. Пущину, между тем как речь идет о тульских Пушиных, у которых он и познакомился в Туле с Рылеевой (ср. Л. Толстой «Работа над романом «Декабристы», библи. «Огонек», № 85, стр. 12).

П. Попов

ТОМА 85-й, 86-й, 87-й, 88-й, 89-й. ПИСЬМА К В. Г. ЧЕРТКОВУ

Письма к В. Г. Черткову занимают наиболее значительное место в эпистолярном наследстве Толстого. Толстой писал Черткову больше и чаще, чем кому-либо другому. Сохранилось 928 писем, считая в том числе и те, которые начинаются обращением к А. К. Чертковой, но предназначаются и для ее мужа.

Переписка с Чертковым, длившаяся с декабря 1883 г. до смерти Толстого, представляет собой до некоторой степени единое целое. Одни и те же мотивы, очень существенные для изучения жизни и творчества Толстого, проходят через эти письма, начиная с первых месяцев знакомства и кончая последними месяцами жизни Толстого. Поэтому в юбилейном издании полного собрания сочинений Толстого письма к Черткову, так же как и письма к С. А. Толстой, выделены особо и составят серию из пяти томов.

Переписка Толстого с Чертковым до сих пор опубликована лишь в сравнительно незначительной части. Как мало она использована в печати, видно хотя бы по данным, относящимся к первому периоду переписки, — до высылки Черткова за границу (1883—1897 гг.), по которому редакционная работа уже закончена: из 426 писем, относящихся к этому времени, полностью было опубликовано всего несколько десятков.

Значительно больше писем известно в виде отдельных отрывков. Отрывки из писем Толстого к Черткову, появившиеся в печати до сих пор, представляют собой частью цитаты, приводившиеся разными авторами (главным образом П. И. Бирюковым в биографии Толстого), частью выдержки, сделанные В. Г. и А. К. Чертковыми, преимущественно для составившихся ими сборников мыслей Толстого. Цитаты эти разумеется не могут заменить тех писем, откуда они взяты, так как нередко письмо, использованное в печати в виде цитаты, связанной с той или иной темой, содержит в неопубликованной части материал, гораздо более интересный, но не имеющий отношения к данной теме.

Писем В. Г. Черткова к Толстому сохранилось больше тысячи. Они также содержат очень много данных, ценных как для изучения истории писания и публикации про-

изведений Толстого, так и для выяснения некоторых вопросов его биографии за последние 27 лет жизни. Вместе с тем эти письма важны для истории тех издательств, которые были основаны В. Г. Чертковым («Посредник», «Свободное слово»). Они отражают борьбу с цензурой и дают некоторые интересные сведения о многих крупных писателях, художниках и общественных деятелях, с которыми Чертков был знаком и находился в переписке (Н. С. Лесков, В. М. Гаршин, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Эртель, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, П. А. Кропоткин и др.).

В юбилейном издании собрания сочинений Толстого письма Черткова разумеется не могут быть опубликованы полностью, но из них берутся значительные выдержки, которые приводятся в комментариях к письмам Толстого.

Письма Толстого хранились у Черткова в образцовом порядке, но конверты от этих писем по большей части не сохранились, и это обстоятельство значительно затрудняет датировку, так как лишь в немногих случаях имеется авторская дата, а между тем нет возможности обратиться к почтовому штемпелю. Но почти на всех письмах имеются даты, проставленные рукой В. Г. Черткова. Он ставил эти даты по большей части повидимому немедленно по получении письма, руководствуясь почтовым штемпелем, но иногда делал это несомненно позднее и повидимому уже не имея конверта под рукой.

Для уточнения этих дат потребовалась большая работа, основанная на анализе записей в дневниках Толстого, общей переписки Толстого за соответствующий период и т. д. В результате пришлось изменить первоначальную датировку многих писем. Обычно изменения эти незначительны (на один-два дня), но в некоторых случаях датировка существенно менялась. В частности при анализе прежней датировки удалось установить, что письмо Толстого к Черткову, являющееся первым наброском повести «Отец Сергей», опубликованное раньше с неопределенной датой, 1890 год, было написано в первых числах февраля того же года. Таким образом точно установлено начало работы Толстого над «Отцом Сергеем».

Толстой как он сам это не раз отмечал, был узерен, что Чертков всегда поймет его «с полуслова» и «с намека». Поэтому письма Толстого отличаются большой сжатостью, нередко затрудняющей работу редактора и вызывающей необходимость давать детальный комментарий. Вместе с тем дружеская близость делает письма Толстого и Черткова особенно непосредственными и превращает их переписку в источник, отражающий их мысли и переживания в наиболее подлинной форме. Толстой сам неоднократно указывает на эту особенность своих писем. «Вам я пишу без задержки, что и как думаю», пишет Толстой Черткову в октябре 1900 г.

Такие же нотки постоянно звучат и в письмах Черткова. Уже в начале переписки с Толстым, в письме от 25 марта 1884 г., Чертков пишет: «Лев Николаевич, это я вам написал с плача, это только неожиданно оторвавшаяся частичка меня самого». Такие же высказывания не раз встречаются и в письмах, относящихся к последним годам жизни Толстого.

Ко времени своей встречи с Толстым В. Г. Чертков совершенно независимо от него пришел к тем же убеждениям, которые определяли и мировоззрение Толстого.

Через несколько месяцев после знакомства с Чертковым Толстой писал о нем в своем дневнике: «он удивительно односторонен со мной» (дневник Толстого от 18 апреля 1884 г.). И тогда же Толстой пишет Черткову, какое значение придает его письмам: «Письма ваши для меня радость и утешение. А как вы видите из моего последнего письма, мне нужно иногда утешение, поддержка бодрости духа» (письмо Толстого к Черткову от 18 марта 1884 г.).

Эта близость была тогда же закреплена общей работой: Чертков в первый же год знакомства с Толстым решает отдать свои силы изданию в России и за границей новых произведений Толстого. Этим в значительной степени определяется содержание писем Толстого к Черткову. Толстой пишет Черткову не только как к наиболее близкому единомышленнику и другу, но и как своему уполномоченному по литературным и издательским делам, которому он раньше, чем кому-либо другому, посылает рукописи своих произведений, внимательно прислушиваясь к его отзывам.

Уже в первые месяцы после знакомства Толстого с Чертковым намечаются темы, которые развиваются потом на протяжении всей переписки. Как известно, с начала 80-х годов Толстой преимущественно работает над теоретическими произведениями, которым отдает больше сил, чем художественному творчеству. Чертков с большой частотойностью пишет Толстому с тем, что художественная форма имеет гораздо большую ценность, чем теоретическое изложение. Эту мысль можно проследить в письмах Черткова к Толстому на протяжении всей их переписки.

В июле 1886 г. Чертков, возвращаясь

в курьерском поезде из Лондона в Петербург, пишет с пути Толстому: «вот все эти миллионы людей, среди которых пролетает наш поезд, каждому, решительно каждому из них было бы приятно и отрадно и ободрятельно прочесть ваши последние рассказы. Но ваши большие статьи, как «Что же нам делать» этим рабочим миллионам не нужны, для них читатели живут в тех городах, где мы останавливаемся, которые обозначены в путеводителе словом «буфет».

Получив известие, что Толстой начинает работать над новым художественным произведением, Чертков в своих письмах подчеркивает, что эта работа может иметь большее значение, чем писание статей. Так, в ноябре 1900 г., узнав, что Толстой работает над драмой «Живой труп», Чертков пишет ему: «несказанно я рад и тому, что вы пишете драму. Для вас это, может быть, и баловство, но для ваших предстоящих читателей это духовный хлеб насущный, такой, который вы один в состоянии дать человечеству и в котором оно потому от вас нуждается... Как «Воскресенье» ваше делает и сделает такое, чего никакие другие нехудожественные ваши писания сделать не могут, так будет и с этой драмой». И в последний год своей жизни Толстой, написав очерки «Три дня в деревне» и придав им полубеллетристическую форму, пишет Черткову: «Вы виноваты в том, что они в более или менее художественной форме» (письмо Толстого к Черткову от 14 января 1910 г.).

Переписка Толстого с Чертковым показывает, что Чертков делал своеобразные попытки вызвать у Толстого желание приняться за художественную работу. Так, найдя в журнале «Русский Рабочий» небольшой переводный рассказ, помещенный без имени автора, «Дед Мартын», Чертков переписывает его с таким расчетом, чтобы сзади остались чистые листы бумаги, и, посылая рукопись Толстому, просит его дать художественную обработку рассказа. Толстой, прочитав рукопись, начинает делать наброски на приложенной к ней чистой бумаге и, постепенно войдя в работу, пишет рассказ «Где любовь, там и бог».

Когда Толстой в конце января 1890 г. говорит Черткову о своем намерении написать повесть «Отец Сергей», Чертков просит не рассказывать устно ее содержание, а написать в ближайшем письме, чтобы зафиксировать замысел на бумаге и тем самым приступить к работе. Получив обещанное письмо, являющееся первым наброском повести «Отец Сергей», Чертков переписывает письмо, оставляя широкие пробы между строками для внесения поправок, и посылает эту копию Толстому вместе с оригиналом, прося приступить к работе над этой рукописью.

Толстой постоянно держит Черткова в курсе своего творчества, рассказывая в письмах о том, какие затруднения встречаются в процессе работы, и нередко сам дает оценку своим новым произведениям.

Так как Чертков берет на себя почти все сношения с издателями и переводчиками, то новые рукописи Толстого за очень немногими исключениями проходят через его руки. Естественно, что нет почти ни одного сколько-нибудь значительного произведения Толстого, написанного после знакомства с Чертковым, о котором не говорилось бы в их переписке.

Посылая свои рукописи Черткову, Толстой постоянно просит его давать свою оценку и учитывает эти замечания в дальнейшей работе. Таким образом переписка Толстого с Чертковым позволяет выяснить некоторые важные детали в истории писа-

не задавалась и не понравилась мне. Впрочем я столько ковырялся в ней, что уже потерял чутье». Неоднократно, начиная с первых лет и кончая последними годами переписки с Чертковым, Толстой повторяет, что дает ему в отношении своих произведений «carte blanche».

Надо однако сказать, что Чертков, как показывают его письма, считая желательным внесение тех или иных поправок, предварительно испрашивает согласие Толстого. И Толстой далеко не всегда дает согласие даже в тех случаях, когда речь идет о второстепенных, казалось бы, вопросах. Так Чертков, обращая внимание Толстого на

Л. Н. ТОЛСТОЙ С В. Г. ЧЕРТКОВЫМ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ В 1909 г.

Из иллюстраций к 89 тому академического издания Толстого

ния ряда произведений Толстого: «Два старика», «Свечка» и некоторые другие народные рассказы, «Власть тьмы», «Крейцера соната», «Хозяин и работник», «Воскресенье», «Хаджи Мурат», «Божеское и человеческое» и т. д.

Еще больше материала дают эти письма для изучения истории писания и печатания книг и статей Толстого, содержащих изложение его взглядов.

В мае 1900 г. Толстой, посылая Черткову свою статью «Патриотизм и правительствование», пишет: «С статьей делайте, что найдете нужным. Печатайте, если найдете ее стоящей того, или верните, чтобы исправить. Хотя я очень много раз ее исправлял, я могу еще почистить ее. Есть в ней, как мне кажется, кое-что нужное, но она как-то

то, что многочисленные эпиграфы, предпосланные каждой главе статьи «Одумайтесь», затрудняют чтение и отвлекают внимание читателя, несколько раз просит согласиться на то, чтобы они были помещены отдельно, но Толстой не поддается его убеждениям.

Начиная с первых лет переписки и кончая последними, можно отметить письма, в которых Толстой и Чертков обмениваются мыслями о том, для какой категории читателей должны быть предназначены произведения Толстого. Чертков постоянно пишет Толстому, что его статьи доступны лишь интеллигентному читателю и что надо писать так, чтобы все написанное было понятно каждому, независимо от его образовательной подготовки. Еще в 1884 г. Черт-

ков по поводу книги «В чем моя вера» писал Толстому: «Вы написали книгу для образованных людей, в которой изложили свою веру. Но из простого народа никто не поймет, как следует, ни одной полной страницы из этой книги».

Толстой соглашается с Чертковым и не раз пишет и сам о том, что хочет писать так, чтобы его произведения были доступны для всех. Он пишет народные рассказы, но статьи его остаются трудными по своему языку и понятными лишь для интеллигентного читателя.

И за год до смерти в его письмах к Черткову встречаются такие же высказывания на эту тему, как и в самом начале их переписки. В июне 1909 г., работая над статьей «Единая заповедь», Толстой пишет Черткову: «Вы пишете о том, чем нужнее всего помогать народу или скорее хоть чем-нибудь отплачивать ему. И, разумеется, вы правы, но чувствую свое бессилие, свою слабость. Эту статью я начал для простого читателя, а кончил тем, что статья почти недоступна простому читателю. Но не отчаиваюсь, буду стараться».

После того как Чертков в конце 1884 г. создает при ближайшем участии Толстого книгоиздательство «Посредник», которое должно было выпускать книги, предназначенные для деревенского читателя, Толстой становится своего рода постоянным консультантом издательства по всем делам, связанным с редакционной работой. В своих письмах к Черткову, с 1884 г. и до начала 90-х годов, Толстой постоянно предлагает новые темы для народных книжек, анализирует присылаемые ему рукописи, обращая особое внимание на рассказы начинающих писателей из крестьянской и рабочей среды (С. Т. Семенов, В. И. Савихин, Н. А. Полушин, И. Г. Журавов), указывает, какие произведения классиков следовало бы издать, и т. д. Эти письма дают ценный материал для характеристики литературных вкусов Толстого.

Точно так же интересны письма, в которых Толстой дает анализ статей самого Черктова. Толстой обычно подвергает эти рукописи внимательной критической оценке и делает ряд указаний, относящихся не только к этим статьям. В частности он всегда подчеркивает, что надо сокращать все, без чего можно обойтись, добиваясь простоты и простоты изложения.

С конца 80-х годов Чертков начинает собирать черновики рукописей Толстого. При этом он тщательно сравнивает первоначальные варианты с окончательным текстом, выписывает из черновиков места, не вошедшие в последнюю версию, и нередко сообщает эти выписки Толстому для того, чтобы он мог использовать их в других статьях. Толстой сам подчеркивает значение этой работы, указывая, что нередко в черновиках остаются неиспользованными страницы, не уступающие печатному тексту, но исключенные при окончательной редакции, так как они отвлекали внимание читателя

от основной мысли данного произведения и мешали целому.

Точно так же Чертков, с конца 80-х годов и до последних месяцев жизни Толстого, ведет с исключительной энергией работу по собиранию и сохранению его писем. Эти архивные материалы, собранные В. Г. Чертковым и полностью использованные лишь в юбилейном издании полного собрания сочинений Толстого, как известно, представляют исключительную ценность для изучения творчества и жизни Толстого. В своих письмах Толстой сам дает оценку этой стороне деятельности Черктова. В частности Толстой не раз указывает, что собирание черновых рукописей и писем считает полезным для себя, так как сам иногда их забывает и, перечитывая заново, находит много нужного.

В письмах Толстого к Черткову отражается его отношение к целому ряду дел, привлекавших в свое время общественное внимание.

Много места уделяется преследованиям духовоборов во второй половине 90-х годов, делу об отобрании «по высочайшему повелению» детей у кн. Д. А. Хилкова, самоубийству М. Ф. Ветровой, хлопотам Толстого за самарских молокан, у которых были отняты дети для воспитания в монастырях, и т. д. Точно так же находят отражение и события более крупного масштаба: русско-японская война и революционное движение 1905 г. Толстой пишет по поводу этих событий ряд статей и делится с Чертковым мыслями на эти темы.

После высылки Черктова из России в 1897 г. в его переписке с Толстым начинают особенно много места занимать вопросы, связанные с изданием за границей произведений Толстого, которые не могут появиться в России вследствие цензурных препятствий.

В. Г. Чертков вместе с своей женой А. К. Чертовой учреждает в Англии издательство «Свободное Слово», которое выпускает произведения Толстого на русском языке. Вслед за тем он создает книгоиздательство «The Free Age Press», которое печатает их по-английски.

Поселившись в Англии, Чертков становится единственным представителем Толстого за границей по делам, связанным с переводами и изданиями. Предоставляя переводчикам и издателям совершенно бесплатно писания Толстого согласно его воле, Чертков в то же время настойчиво добивается точности переводов и стремится поставить дело так, чтобы новые произведения Толстого одновременно выходили в свет в разных странах.

Письма Черктова к Толстому показывают, что эту задачу в значительной степени удалось разрешить. В частности Чертков сообщает интересные сведения об успехе, которым пользовалась за границей статья Толстого о русско-японской войне «Одумайтесь», вышедшая в Англии и в Америке в нескольких изданиях.

Вместе с тем Чертков становится до известной степени постоянным посредником между Толстым и его английскими и американскими корреспондентами: Толстой не раз посылает ему для перевода свои ответы на письма, получаемые из Англии, Америки и других стран. Переписка Толстого с Чертковым показывает, что эти обязанности Чертков продолжает выполнять и после своего возвращения в Россию. Благодаря этому в их переписке можно найти интересные замечания о письмах Толстого к Б. Шоу, Ганди, индусу Т. Дасу, китайцу Ку-Хун-Мину и т. д.

Письма Толстого к Черткову дают не только богатый материал для изучения творчества Толстого, но являются и очень важным биографическим источником.

Толстой вводит Черткова, больше чем кого-либо другого, в область своей личной жизни. Он не только рассказывает о своем самочувствии, отмечая моменты подъема и упадка работоспособности, тяжелых или радостных настроений, но и много говорит об условиях своей домашней жизни, которых он обычно не касается даже в письмах к своим близким знакомым.

Уже в первые месяцы знакомства с Чертковым Толстой пишет ему три письма, в которых рассказывает о своем семейном разладе. Толстой просит Черткова уничтожить эти письма, и Чертков выполняет его просьбу, переписав лишь те места, которые не имели отношения к личной жизни Толстого. Но затем Толстой перестал настаивать на уничтожении писем этого рода, иногда делая однако на них надпись: «читайте одни». Среди впервые публикуемых в юбилейном издании писем, в которых Толстой рассказывает Черткову о своей домашней жизни, особенное значение имеют два письма. Первое из них, написанное в декабре

1885 г., начинается словами: «Мне мучительно тяжело и ни с кем так мне не хочется поделиться этой тяжестью, как с вами, милый друг, потому что, мне кажется, никто так не любит во мне то хорошее, что есть во мне, как вы». И дальше Толстой с исключительной силой изображает барский быт, установившийся в его доме, и рассказывает о том, до какой степени семья не понимает его убеждений и не считает нужным с ними считаться.

Письмо это осталось непосланным, но сохранилось в архиве Толстого, при чем до последнего времени оставалось неизвестным. Другое письмо, написанное 12 января 1897 г., имеющее пометку «читайте одни», сохранилось в архиве Черткова, который, учитывая желание Толстого, никому не давал его читать. Письмо это также чрезвычайно отчетливо показывает, как остро переживал Толстой разлад между своими убеждениями и всем укладом своей семейной жизни еще за много лет до того, как ушел из дома. Письма за 1910 г. содержат особенно много материалов, важных для понимания семейного разлада Толстого, и выясняют причины, вызвавшие его уход из Ясной Поляны.

Подводя итоги, можно сказать, что переписка Толстого с Чертковым бесспорно принадлежит к числу наиболее важных источников для изучения жизни и творчества Толстого. Из пяти томов, которые занимают письма Толстого к Черткову в юбилейном издании, закончены и сданы ГИХЛУ три: 85-й том — письма за 1883—1886 гг. (редактор Л. Я. Гуревич), 86-й и 87-й тома — письма за 1887—1889 гг. и 1890—1897 гг. (редактор М. В. Муратов). Первый из этих томов выпущен уже в свет, а второй сдан в производство в июне 1935 г.

М. Муратов